

ВИТАЛИЙ
ОСТАНИН

НАСЛЕДНИК СЕДЬМОЙ МАРКИ

Виталий Сергеевич Останин

Наследник Седьмой Марки

Серия «Третий Рим», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Семнадцатилетний Ян – наследник магического рода уже несколько сотен лет стоящего на страже мира людей от демонов. Он с рождения готовился к своей миссии, но гибель родителей и меняющийся мир, в котором стражи больше не нужны, поставили крест на его планах. Однако, рожденный охотником никогда не откажется от служения. Пособники демонов больше не скрываются за Пеленой, а носят одежды высокородных семейств? Тем хуже для них. Он – Ян Эссен. И его работа – уничтожать слуг Ада.

Содержание

Введение	4
Глава 1. За Пеленой	9
Глава 2. Родня	24
Интерлюдия	38
Глава 3. Львов	42
Глава 4. Гимнасий	59
Глава 5. Деканат	82
Глава 6. Скверна	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Виталий Останин

Наследник Седьмой Марки

Введение

В этом мире история пошла другим путем.

В 1548 году господарь Валахии Влад Цепеш использовал запретный ритуал из наследия Соломонова¹ для призыва одного из Герцогов² Преисподней. Он желал остановить вторжение османов с помощью его легионов низших демонов. Доподлинно не известно, в чем он ошибся, но призыв закончился образованием Геенны – прорывом из измерения, называемого Адом. Ворвавшиеся в наш мир демоны уничтожили Бухарест, всю Валахию, а также находящиеся там силы вторжения Османской империи. Впоследствии Герцог Ада по имени Вапула сделал территорию Валахии своей земной

¹ Речь идет о некой «Книге о служебных обязанностях духов», созданной якобы израильским царем Соломоном, которая, в свою очередь, якобы стала предтечей колдовского труда «Малый ключ Соломона», или «Гоэтия», вышедшего в нашем мире в 16 веке.

² Так как «Гоэтия» создавалась уже в позднем средневековье, то и иерархические титулы духов Ада европейские. Основные титулы: Король, Губернатор, Герцог, Граф, Маркиз, Барон, Рыцарь. Для понимания, все эти адские аристократы – Падшие ангелы. Низшими демонами называют кровожадных монстров, способных только убивать и разрушать, хотя и они могут быть очень сильны.

вотчиной, откуда стал нести смерть и разорение землям Европы.

Данное событие повлияло на всю мировую историю. Европа в лице Геенны получила под боком фактически новое государство, с правительством которого невозможно было договориться, и цель которого заключалось в уничтожении всего живого. Разобщенность тогдашних царств, королевств и княжеств, а также ослабление влияния римского католического клира сыграли против людей. Серьезного сопротивления силам Герцога Вапулы никто не оказал. Фактически за шесть лет всякая государственность в Европе была уничтожена.

Чем и воспользовался московский царь Иоанн, прозываемый так же Грозным. Вместе с Православной Церковью он объявил Великий Очистительный Поход во имя спасения всего христианского мира. После многие упрекали московского царя в том, что ВОП был для первого императора не более чем поводом, чтобы захватить Европу. Что остается не более чем слухами, ведь в конечном итоге Иван Грозный победил.

Согласно официальным имперским хроникам более позднего периода, к Великому Очистительному Походу Святого Иоанна добровольно присоединились практически все страны Восточной Европы, на тот момент практически лежащие в руинах от постоянных набегов низших демонов. Благодаря

тому, что в армии императора имелись святые³ воины, которые потом были усилены боевыми магами из европейских фамилий, уже к 1560 году силы Ада оказались заперты за Пеленой⁴ и окружены десятью пограничными Марками⁵. После столь явных успехов в борьбе с Адом под руку московского царя встали и страны Западной Европы. В 1569 году была завершена территориальная реформа, и все самостоятельные государства того периода получили статус Великих Княжеств, а вся освобожденная от демонов территория стала называться Третьим Римом.

С тех событий прошло почти триста лет. На дворе 1856 год. В составе Третьей Римской Империи находятся следующие Великие Княжества: Киевское, Литовское, Польское, Чешское и Словенское, Австрийское и Черногорское, Миланское, Сардинское, Прусское, Гишпанское, Франкское, Бельгийское, Финское. Все они в разной степени автономны, некоторые имеют свои правительства и территориальные дружины.

Но правит всеми император из рода Рюриков. Потомок Иоанна Святого по прозвищу Грозный. Нынешнего прави-

³ Святые воины – особый вид магически одаренных людей, являющихся не столько самостоятельными творцами волшебства, сколько посредниками в пропуске большого количества магической (Церковь же утверждает, что божественной) энергии.

⁴ Пелена – преодолимый барьер, разграничивающий зону обычной реальности и измененной.

⁵ Марка – пограничное феодальное владение.

теля Третьего Рима зовут Константином. Трон под ним шатается, но не слишком сильно – в разношерстной империи слишком много действующих политических сил, чтобы на землях царил мир и покой. Да и про Геенны забывать не стоит. Их к 1856 году в мире уже четыре. Да, Ад не спит.

При этом, согласно официальной позиции империи, на землях Третьего Рима именно что царит спокойствие и благоденствие, процветают науки, ремесла, культура, не ведутся военные действия из-за территориальных претензий и религиозных споров. Активность Геенны тоже снизилась. В общем – золотой век.

На границах дела обстоят не так благостно. Третья Римская Империя находится в состоянии войны с Османской Империей и Островным Королевством Британия. В каждом из враждебных государств уже имеется собственная Геенна, что не мешает им искать конфликта с соседями. С большинством же остальных государств мира Третий Рим поддерживает нейтральные, торговые или союзнические взаимоотношения. По-настоящему союзническими для Империи являются Карталийское царство на Кавказе и Казахское Ханство в Азии. Китай где-то далеко, про него немного слышали, да иногда товары какие-то покупали. Япония до сих пор никак не проявилась, может, есть, а может, уже и нет. Америки открыли, но не колонизировали, поскольку тамошние цивилизации этому активно воспротивились.

Но наша история далека от геополитических вопросов.

Она разворачивается в одном из центральных княжеств Империи – Польском. И рассказывает не о том, как Британия науськивает османов на южные земли империи, а о юном марочном бароне Йохане (Яне) Эссене.

Глава 1. За Пеленой

– Бать... – едва слышно позвал Ян. Тронул руку, еще теплую, присыпанную землей и всепроникающим пеплом Геенны. – Бать, вставай!..

В голове юноши никак не могла уложиться простая истина, что мужчина, сильнее и умнее которого не было никого на свете, мертв. Что он не встанет, не тронет грубой своей ладонью щеку сына. Не скажет ему с ласковой укоризной: «Что за хляби небесные ты разверз под носом, пацан? Я что, двух девок родил?»

И никем не сдерживаемый Ян плакал. Беззвучно, давясь слезами, потому как знал, что громких звуков издавать нельзя. Что твари, превратившие его отца в остывающий кусок мяса, никуда не делись. Одних они убили, но новые придут, и придут совсем скоро.

По-хорошему, нужно было бежать. Как можно дальше, желательно за границы Геенны. Туда, где есть люди, гарнизон со штуцерами и заговоренными модумными пиками, способными остановить любого низшего демона. И пусть там, за Пеленой, нет больше сильных демоноборцев, ведь все они погибли здесь, там его ждет спасение. Твари Геенны уже много лет не покидали ее.

Но он не трогался с места. Сидел, плакал, и в нем медленно прорастала новая правда. Отец мертв. Дядя Михаэль

и его жена, тетушка Йелена, тоже мертвы. Остался живым только он – семнадцатилетний мальчишка с двумя пистолетами, один из которых разряжен, и отцовским дивинитовым клинком в руке. Очередной – привычный! – поход в вотчину адских тварей стал для его семьи последним.

Четыре года назад погибла и мать. Не в бою – проявила неосторожность и слишком поздно обратила внимание на крохотную царапину, оставленную Костяной Лозой. Ядовитое растение, больше похожее на выюн из желтоватой человеческой кости, убило ее за пару часов.

А теперь вот пришла пора и остальных его родственников. Но он-то еще был жив!

– Бать...

Ян в последний раз тронул руку отца. Вытер слезы, размазывая жирный пепел по лицу. Поднялся. Перехватил клинок. Вытащил из заспинной кобуры последний заряженный пистолет. Проверил, не промок ли капсуль, и двинулся на север. Туда, где находился север – за Пеленой магнитные поля не работали, и компас был бесполезен, а значит, опираясь на него, нельзя быть уверенным в выбранном направлении. Но у Эссенов имелись свои способы находить верный путь. Например, конструкт Нить Ариадны.

Останься он последним Эссеном на белом свете, скорее всего, отправился бы мстить за смерть родных. Углубился бы в Геенну, нашел бы стаю Низших, все равно каких... И, к бабке не ходи, сгинул бы. Порубил бы с десятков тварей,

но и только. Мальчишки в семнадцать лет считают себя бессмертными, в чем жизнь их с удовольствием разубеждает.

Но Яну пришлось очень быстро повзрослеть. Принять смерть отца, дяди и тети и уяснить, что глава рода Эссен теперь он. А значит, именно он несет ответственность за младшую сестру Софию. Они с ней – последние Эссены. Поэтому должны жить.

Эта вылазка в Геенну планировалась как легкая прогулка. Зашли и вышли, говорил дядя Михаэль. Отец хмурился, но не спорил. Понимал, что недавно женившийся младший брат остро нуждался в средствах, а где их взять в пограничной Марке? Только на вылазке за Пелену. Если насобирать редких материалов – та же Костяная Лоза имела хороший спрос – или, при должном везении, наткнуться на небольшую стаю низших демонов, можно хорошо заработать. Каждая часть внутренностей тварей Геенны у алхимиков шла по весу в золоте.

Маршрут был привычным, много раз хоженным. Через Пелену, от нее сразу влево, вдоль Горящего оврага – в соответствии с названием на дне его никогда не гас огонь. Обойти его, углубиться в Каменный лес, роль деревьев в котором выполняли превращенные в статуи люди – самые первые жертвы Прорыва. Будучи помладше, Ян в каждую вылазку рассматривал их, пытаясь понять, кто из окаменевших был дружинником Влада Цепеша, а кто солдатом османской армии. Получалось неважно, лица статуй были одинаково искажены

ужасом, что мешало опознанию. А потом Ян привык и перестал обращать на Каменный лес внимание.

За Лесом, а порой и в нем, уже можно было встретить низших. Слабеньких, Гончих или Крыс, но вполне способных наделать дел. Трехголовые адские твари были быстрыми, дохли от обычных пуль, да и мозгами не блистали, но отец всегда учил не недооценивать врага.

В этот раз Каменный лес был пуст. И Хлябь – огромное болото, с проложенными поколениями Эссенев гатями. И Гниющий Ров – Ян не видел там ни одного мертвеца за всю свою жизнь, но смердело оттуда так, словно разлагалось в глубокой яме не меньше сотни тел.

Отец шел не расслабляясь. Он был опытным Стражем Пограничья и никогда не забывал, как легко Ад забирает жизни. А вот дядя Михаэль стал посвистывать, рассказывать тетке смешные истории. Батя на него шикнул, даже сказал что-то вроде: «Совсем ума лишился в своем Львове?» Дядька замолчал, но Яну подмигнул со значением, смотри, мол, какой твой отец серьезный! Перестраховщик. Ян несмело улыбнулся в ответ...

Тогда они и вылетели – семь Стервятников, что скрывались в похожих на желтую проволоку зарослях Костяной Лозы. Массивные и нелепые на вид твари – покрытые язвами и ожогами туши птиц, вместо крыльев костяные косы метровой длины, три желтых изогнутых когтя на коротких кривых лапах. Сверху вся эта нелепость венчалась маленькой пти-

чьей головой на длинной тонкой шее. Клюв, впрочем, выглядел внушительно и мог, по рассказам ветеранов Геенны, расколоть тяжелый щит или защитный конструкт до третьего ранга включительно.

А еще демоны эти были невероятно стремительными. Неповоротливыми, но, если возьмут разгон, какая там лошадь! Лишь отец успел отреагировать, рывком забросив сына себе за спину, а вот дядька с теткой сплоховали. Не успели разорвать дистанцию и были вынуждены принять ближний бой.

Вожак тварей, опознаваемый по мясистому петушину гребню на голове, накинулся на тетку Йелену. Та вскинула саблю, отбив первый удар, но второй пропустила. Острейшая костяная коса буквально располовинила женщину, она даже закричать не успела.

Дядька Михаэль замер столбом, глядя, как толчками вырывается кровь из двух половинок плоти, секунду назад бывшей веселой его женой. Потом заорал по-дурному и, забыв всю охотничью науку, ринулся на вожака. Штуцер так и не использовал, схватился с чудовищем грудь на грудь. Ярость его была столь сильна, что он в три могучих удара расправился с Низшим. Но и сам пострадал – когтями на ноге Стервятник распорол охотнику бедро.

Шесть оставшихся тварей окружили Михаэля, словно игнорируя Яна с отцом. И батя, к удивлению юноши, стал отходить. Ян бросил на него злой взгляд, дескать, а брат? Но тот

дернул щекой и отвел глаза, мол, он уже не жилец.

Отец учил Яна безжалостной логике охотников с первого дня за Пеленой. В Геенне не играют в героев. В Геенне не хоронят своих мертвецов. В Геенне за одного двумя не платят. И вроде все эти слова промелькнули в голове молодого человека, но сердце все равно сжалось – то ведь про чужих говорилось, а здесь дядька Михаэль.

Но – ушли. Убежали даже. Недалеко. Стервятники, разобравшись с дядькой, пустились в погоню. Догнали их уже за Хлябями. Сами рванули по гатям, сделавшись отличными мишенями, и Ян с отцом свали двоих в гнилую воду. Перезаряжаться уже не было времени, поэтому штуцеры бросили за спины и побежали.

В Каменном лесу сами остановились. Здесь было удобное место для засады, чем раньше Эссены стабильно пользовались. Правда, больше на Гончих охотились, но, бывало, и «дичь» покруче в ловушку заводили. Стервятников осталось лишь трое: вожака убил Михаэль, он же, видимо, разобравшись еще с одним, так как на Хляби вышло только пятеро низших. Ну и там они еще двоих потеряли – трое осталось.

Дальнобойного у охотников уже ничего не было, пистолеты уверенно били хорошо, если шагов на десять, да и так точность их оставляла желать лучшего. Плюс – Стервятники куда прочнее шкурой, чем Гончие, пуле могло и не хватить убойной силы. Потому и решили действовать конструктами, благо стратегия уже была отработана во множестве схваток.

Ян, как и всегда, должен был атаковать Сетью Хагена, способной обездвижить демонов на несколько секунд. Отец же ударить Плетью Хель – родовым конструктом, режущим плоть демонов как раскаленный нож масло. В исполнении Яна последний еще выходил слабоватым, не хватало виты, а вот глава рода Эссенов мог рассечь Стервятника от шеи до копчика. Или гузки, если уж говорить о птицеподобных тварях.

В болотах такая стратегия была бессмысленна – демоны слишком стремительны, а Сеть крепить не к чему. Зато в Каменном лесу – только выбирай статую. Даже символично выходило – те, что когда-то погибли в результате прорыва Ада на землю, теперь помогали бороться с вырожденками. Да и видимость здесь была похуже – самое то, чтобы устроить засаду.

Так и получилось. Трое демонов ворвались в лес, шумно преследуя добычу. Притормозили – обзор среди каменных изваяний был паршивым. И медленно пошли по направлению к Пелене, потеряв основное свое преимущество – стремительность атаки. Тут-то их Ян и подловил. Дождался, когда все трое Стервятников окажутся рядом, воскресил в голове заученный конструкт и особым образом сложил пальцы, призывая «сеть».

Перекрестье мерцающих зеленым светом вырвалось из-под земли и спеленало сразу троих. Низшие закудахтали, петушинные их головы закрутились по сторонам, а батя уже

повел рукой перед собой, являя изогнутый хлыст четырех метров в длину и толщиной в мизинец. Прежде чем твари сумели освободиться, он крест-накрест приложил их конструктором, одним замахом отрубая голову одному из демонов, а второго разваливая пополам.

Третий же выжил. Спрятался, тварь, за двумя своими дружками, и едва Сеть распалась лесными светляками, бросился на Яна, целясь чудовищными костяными косами тому в живот. Мальчишка понимал, что не успевает уйти из-под удара. В голове его промелькнуло несколько вариантов действий, но ни один он так и не сумел реализовать.

Отец закрыл его своим телом.

Обе косы вошли крупному мужчине в грудь, но он не умер, хотя и должен был. Двумя руками схватился за тощую шею Стервятника и с силой сжал ее. Губы, выплевывая кровь, прошептали одно слово: «Руби».

Ян снес голову демону хорошо поставленным ударом. Охотничья шпага для этого и предназначена. А потом упал на колени рядом с телом отца, стащил с костяных лезвий Низшего и стал пытаться его пробудить. Понимая, что ни лекарства, ни магия, ни молитвы тут уже не помогут.

Сколько он так просидел, неизвестно. Время потеряло свое значение для юного охотника, до краев наполненного болью потери. Но и она в конце концов ушла, сменившись отчаянной решимостью выжить.

Уже почти добравшись до Пелены, юноша понял, что со-

вершил ошибку. Он ушел без добычи, а это значило, что смерть трех людей будет бессмысленна. Пришлось вернуть-ся и быстро и умело разделать тела Стервятников. Хватило даже времени на то, чтобы прочитать заупокойную над телом отца.

Потом Ян встал, собрал оружие отца, обшарил его карманы и быстрым шагом пошел к Пелене. Не оглянувшись больше ни разу.

Прибыток был хорошим. Если бы не гибель родных, можно было бы сказать, что вылазка в Геенну удалась. Шесть черных сердец Стервятников, три языка, три гребня с петушиных их голов. Удалось вырезать и одну косу – самый дорогой компонент в наборе. Жалко, тяжелый – больше одного Ян утащить не смог.

Останься дядька Михаэль и тетушка Йелена в живых, им бы вырученного хватило на год безбедной жизни. Или на первый взнос за домик во Львовe, который они присмотрели для семейного гнездышка.

Однако все они погибли. И неожиданное богатство досталось парню, который лишь год назад был вписан в книгу рода Эссенoв как взрослый мужчина. Добычу, правда, требовалось еще реализовать, но Ян был знаком с покупателем и уверен, что тот даст настоящую цену.

Всю дорогу до дома юный охотник держался за эти мысли: выйти к людям, заявиться в лавку Толстяка Отто, продать ему добычу, пока та не испортилась, и получить сереб-

ро. Это помогало не думать о произошедшем. И, соответственно, не рыдать взахлеб от понимания, что он остался сиротой.

А ведь еще предстояло как-то рассказать Софии, что отца больше нет. И что дядька с теткой остались в Геенне. Как это сделать, вчерашний мальчишка решительно не понимал, поэтому и крутил в голове предстоящую сделку.

– А где отец, Ян? – первым делом спросил у него Толстяк Отто.

Это и был тот самый скупщик, живший на окраине городка, к которому парень принес свою добычу. Вывалил на стол свежие еще сердца Стервятников, их гребни, языки, гвоздь торгов – левую конечность-косу. И неожиданно столкнулся со страшной реальностью, от которой последний час так успешно бежал.

– Он...

Ян почувствовал, как на глазах набухли слезы, а в горле встал колющий ком, который не давал произнести ни слова. Он понимал, что стоит продолжить пытаться вытолкнуть изо рта ответ, как тело предаст. Слезы сорвутся с глаз, ком разорвет грудь рыданиями, и от внешней холодности, которой так славились Эссены, не останется и следа.

Тогда он закрыл глаза, позволив двум каплям прочертить дорожки по грязному лицу. Сделал глубокий вдох, затем выдох и лишь после этого быстро вымолвил:

– Он погиб. Все погибли. Вы купите товар?

Ему удалось не расплескать эмоции. Остаться спокойным и сдержанным. Даже холодным, пожалуй. Наверное, в глазах Толстяка Отто поведение молодого Эссена выглядело бесчеловечным – где понятная любому человеку скорбь по погибшим родичам? Но как-то комментировать свои чувства торговец не стал.

Он кивнул, принимая ответ. Стал преувеличенно внимательно осматривать компоненты, которые принес мальчишка Эссен. Отложил в сторону косу, сопроводив это действие словами: «У меня нет столько денег, Ян», – а вот сердца, языки и гребни придвинул к себе.

– Тысяча триста солидов, Ян. Если сможешь подождать пару недель, соберу деньги и на косу Стервятника. Заплачу еще две тысячи.

«Гордость – удел богатых», – вспомнилась Яну одна из присказок отца.

А Эссены никогда не были богатыми. Знатными – да, как-никак имперские бароны, которые и на графов могли поплевать. Но бедные. Как можно разбогатеть в провинциальной Марке, будучи кланом охотников на демонов. В имущественном плане Эссены отличались от фермеров-латифундистов лишь тем, что хлеб насущный получали в качестве жалования из императорской канцелярии, как вписанные в реестр Стражи Пограничья, а не выращивали на полях.

Но в ценах Ян разбирался неплохо – отец успел натаскать. И понимал, что торговец Отто назвал сумму в полтора ра-

за завышенную. Такую можно было получить, если отвезти компоненты тел Низших на алхимический рынок во Львов, но никак не в лавке скупщика в Черновицах.

Понимал парень и причину, заставившую Толстяка так поступить. Эссены не просто ходили за добычей в Геенну, их род уже три столетия оберегал окрестности от адских тварей, являясь зачастую последним рубежом обороны между людьми и адскими тварями. За что они пользовались заслуженным уважением местных жителей. В случае с торговцем проявившимся таким вот причудливым образом.

– Благодарю, – только и сказал Ян.

Он принял два векселя – один на тысячу, другой на триста солидов серебром. Сунул их под кафтан, в небольшую простроченную складку-кармашек. Оставил у Отто косу под реализацию, безразлично кивнул на комиссию в десять процентов от цены. И медленно двинулся к дому.

Сделанное дело, продажа добычи, не оставило ему возможности думать о чем-то другом. Скорбь преследовала его хищником, идущим по следу свежей крови. В памяти мелькали образы: отец, сжимающий шею последнего Стервятника и шепчущий: «Руби!» – дядька Михаэль, вступивший в схватку с вожаком демонов, тетка Йелена, падающая на землю двумя половинками.

Не в силах больше сдерживаться, Ян свернул в глухой проулок между домами, уселся на землю и позволил эмоциям взять верх. Но даже сейчас не разрешил себе голосить. Слезы

текли, рот беззвучно открывался, кулаки в бессильной ярости лупили ни в чем не повинную землю, но больше звуков не было. Разве что глухие, едва слышимые горловые рыдания, различить которые, впрочем, можно было, лишь подойдя к парню вплотную.

Так Ян просидел долго. Он не следил за временем, но помнил, что солнце стояло в зените, когда он вошел в переулок. А когда вышел из него – сместилось к отметке трех после полудня.

Улица была пуста. Окраина Черновиц никогда и не была людным местом, как, впрочем, и центр провинциального городка. Людей здесь проживало немного, да и те днем больше занимались добычей хлеба насущного, а не праздными прогулками. Никто не паялился на заплаканного паренька, чему Ян был только рад.

Наскоро приведя себя в порядок, он двинулся дальше, покидая городок. Замок Эссенов, на самом деле небольшое поместье, но укрепленное так, что могло бы выдержать штурм небольшой армии, располагался в паре километров к югу от города. Добираться до него пешком было около получаса.

За это время Ян окончательно вернул себе знаменитое эссеновское самообладание. Внутренности его еще крутила боль потери, душа раздиралась на части угрызениями совести, но внешне юный аристократ выглядел так, будто возвращался из города, куда ходил купить какой-нибудь мелочи, вроде соли.

Конечно же, немногочисленную челядь поместья его напускное спокойствие не смогло обмануть. Уходили три охотника, возвращается бледный и зареванный пацан – кто способен после такого поверить, что все в порядке? К счастью, первым, кто заметил возвращение Яна, был старый привратник, всю свою жизнь прослуживший Эссенам. Звали его Неждан.

Знакомый с тем, чем может закончиться вылазка в Геенну даже для опытных охотников, старик лишь кивнул пареньку и пробормотал короткую молитву за упокой душ погибших. Он прекрасно понимал, что сейчас Яна лучше не трогать: ни с соболезнованиями не лезть, ни с расспросами не приставать.

Провожаемый его взглядом, Ян прошел через пустой двор, толкнул двустворчатые двери и остановился в холле. Младшая его сестра, как он предполагал, должна находиться на кухне, готовить обед для семьи. Туда он и направился, не желая оттягивать тяжелый разговор.

Но она сама его встретила, сбегав по лестнице со второго этажа – значит, не на кухне была, а в своей комнате.

– Ян, ты вернулся! – воскликнула она радостно. Но улыбка ее погасла, стоило ей разглядеть холодную маску вместо лица брата. – Ян?

Больше она не сказала ни слова. Она тоже была из Эссенов и, несмотря на возраст, понимала, что смерть может прийти в дом в любой момент. И забрать тех, кого любишь.

Но все же она была четырнадцатилетней девочкой, поэтому еще не умела сдерживать эмоции, подобно старшему брату. Поэтому бросилась к нему на грудь и расплакалась.

А Ян стоял, бережно поглаживая ее по спине, и молчал.

Глава 2. Родня

– Мы останемся, – в пятый уже раз повторил Ян. – Мы Эссены, наше место здесь.

Молодой человек говорил уверенно и твердо, что не вполне сочеталось с его бледным лицом и лихорадочно горящими глазами. Волосы светлые, блеклые, кое-как уложенные в хало⁶. Подбородок упрямо выдвинут, тонкие бледные губы плотно сжаты. Он, строго говоря, не тянул на того, кто имел бы право сказать: «Мы, Эссены». Худощавый, выше среднего роста, скорее жилистый, чем мускулистый. Уже не подросток, еще не мужчина.

– Вы Эссены, – согласно кивнул его собеседник, благообразный мужчина с роскошными усами на половину лица.

Тон его был предельно спокойным и благожелательным. Казалось, спор с молодым человеком его совсем не утомил. По крайней мере, он никак не проявлял раздражения.

– Тогда не вижу смысла продолжать этот разговор, – поднялся было из-за отцовского стола молодой человек. По простительной в его возрасте неопытности он решил было, что победил и отстоял свою позицию.

Но ошибся. Его собеседник вовсе не считал свое согласие с последним тезисом юного барона поражением в споре.

⁶ Прическа хало, так же называемая нимб (что-то вроде удлиненного каре)

– Но вы еще дети, Ян, – легким движением руки, мужчина дал понять, что хочет, чтобы Ян сел обратно.

– И я, и моя сестра прошли обучение, достаточное для замещения должностей в Страже Пограничья!

– К тому же, кроме крови Франца фон Эссена, твоего уважаемого отца, да прибудет он с Господом, в ваших жилах течет и кровь Ковалей. А значит, я не могу просто взять и оставить без присмотра своих племянников. Будь вы совершеннолетними, я бы не стал настаивать...

Любому стороннему наблюдателю было очевидно, что Яну стоило большого труда сохранить лицо. Не то что его куда более опытному визави. Эта проклятая оговорка – несовершеннолетие – рушила все, что успел напланировать новый глава рода. За прошедшие со смерти отца и дяди с тетей две недели Ян успел их оплакать и принялся по кусочкам собирать свою жизнь. Он и раньше неплохо управлялся с хозяйством, да и сестру воспитывали так, чтобы она могла вести дом. Деньги у них пока имелись, к тому же Толстяк Отто нашел покупателя на косу Стервятника, так что призрак бедности отодвинулся на неопределенный срок.

Он уже начал закупать провиант и топливо на зиму, следуя народной мудрости о том, что сани нужно готовить с лета. Даже кинул клич среди местных мужиков о возможности войти в небольшую дружину Эсенов – средства позволяли без труда содержать еще человек пять-шесть, из которых можно было воспитать... не охотников на демонов, ко-

нечно, но вполне полезных загонщиков. Пока отец был жив, загонщики не требовались, а вот сейчас...

И тут внезапно нагрянул родич. Требующий ни много ни мало оставить родовое гнездо и ехать с ним во Львов.

Мужчину звали Богданом Ковалем, и был он действительно старшим братом покойной матери Яна и Софии. Отец не поддерживал с родственниками жены отношений, какая-то там была история, про которую никто не хотел рассказывать детям. В гости Ковали с Эссенами друг к другу не ездили, максимум обменивались подарками на Рождество Христово. Потому Ян никак не ждал, что дядька – практически незнакомый человек – приедет к ним в Черновицы и заведет такие вот разговоры.

– Нет. Мы останемся здесь. – в шестой раз сказал Ян. На лице молодого человека была написана такая решимость, что любой бы понял, что он повторит свои слова и в седьмой, и в десятый и, если понадобится, в сотый раз. Знаменитое эссенское упрямство.

Но и Коваль, как оказалось, ни в чем ему не уступал. Видя, что прямым давлением результата не добьется, Богдан сменил тактику.

– Давай начистоту. В реестр Стражей ты не попадешь еще три года, – произнес он. – Это закон, который тебе не обойти. А поместье ваше, прости, замок со всеми окрестностями не приносит дохода достаточного, даже чтобы просто его содержать. Отец состоял на императорской службе – средств

хватало. Как ты собираешься кормить остатки вашей семьи эти три года? Без жалования?

Коварный родич бил в самое уязвимое место планов юноши. Тот и сам прекрасно понимал, что без денег из имперской казны не протянет и года. Конечно, всегда можно отправиться на охоту в Геенну, но, как показали недавние события, вместо получения прибытка там можно оставить собственную голову.

– Ты, конечно, можешь попытаться охотиться, как и делал твой отец, – словно прочтя мысли Яна, сказал Богдан. – Но давай будем честны друг с другом, как и подобает родственникам. Любой твой выход за Пелену может стать последним. И на что тогда может рассчитывать София?

Об этом не раз думал и сам новый глава рода. Такой вариант развития событий был не просто возможным – на нем можно полагалось написать красными чернилами «скорее всего». Коваль был прав, будь он проклят! После смерти Яна у Софии будет только один путь – в приживалки к родственникам по линии матери. Впрочем, что-то подобное сейчас и предлагал Богдан.

– Вовсе нет! – вскинул он руки, когда юноша изложил ему свои умозаключения. – Конечно, родича принять – дело богоугодное, но я не собираюсь плодить дармоедов. Рассматривай мое предложение как инвестицию.

– В Эссенев не инвестируют, дядя Богдан, – хмурясь, отрезал Ян. – Мы не столичные шарлатаны, делающие карьеру

при дворах вельмож! Мы охотники на адских тварей и Стражи Пограничья. Вся наша жизнь – служение человечеству! Чем мы можем быть полезны тебе, что ты называешь это инвестициями?

Юноше показалось, что дядя после его слов зашелся в кашле. Не сразу, но он понял, что родич просто смеется. Лицо парня тут же пошло красными пятнами.

– Прости! Прости! – поспешил исправиться Коваль. – Но сейчас ты был похож на своего отца! Как отражение в зеркале. Таким же тоном и такими же словами он когда-то говорил со мной. Называл меня торгашеской душонкой, забывшей о высшем предназначении одаренного – служить людям. Маришка, твоя мать, смотрела на него тогда как на святого!

– Он мертв, – поджал губы Ян. – Прояви уважение.

– Поверь, я к нему прекрасно относился! Лучше, чем он ко мне. И ваша мать его любила, а для меня этого было достаточно, чтобы принять ее выбор. Даже если родители были против брака.

Речь, видимо, зашла о тех самых скелетах, которые родители и скрывали от своих детей. Выходит, союз отца и матери не был одобрен Ковалями? Но род Эссенсов, пусть и небогатый, весьма древний, а значит, и брак с ним был почетным. Скорее уж родители отца должны были возражать против идеи породниться с Ковалями. Родня матери, конечно, не нувориши, но Даром не прославлены, больше торговыми делами. Даже родовой конструкт у них торгашеский – За-

говор Дабога. Мать им владела и детей научила. Самым основам, конечно. Девочке, предназначение которой выйти замуж и покинуть семью, не рассказывали о более сложных родовых начертаниях.

Ян не очень-то доверял практически незнакомому родичу. И бросать свой дом и свое служение, к которому очень серьезно относился, не планировал. Но Эссены, несмотря на все свое легендарное упрямство и умение мастерски скрывать эмоции, были еще и крайне трезвомыслящими людьми – пруссаки же. А потому юноша понимал, что в одиночку род он не потянет. Ему как воздух нужна была помощь. Но и верить кому-то на слово, пусть бы и кровному родственнику, он не мог. Жизнь в пограничной Марке отучила.

А определенность была нужна. От того, стоит верить этому человеку или нет, зависело будущее немногочисленных Эсенов. Только поэтому он и решился на применение материного конструкта. Специально заучил его перед разговором.

«Отец бы обошелся без всего этого, – с горечью подумал Ян. – Он в людях разбирался. Он бы просто посмотрел на визитера и спросил: „Чего ты на самом деле хочешь, Коваль?“»

Инвестиции? Как бы не так! Эссены умеют убивать адских тварей и ничего, кроме этого. Они триста лет сидят на границе с Геенной и не обладают никаким влиянием в кругах имперской аристократии. Честные служаки, чем

и гордились из поколения в поколение. Что с них можно взять?

Однако родич, стоило только мальчишке семнадцати лет от роду встать во главе семьи, примчался и очень настойчиво зазывает во Львов. Странно? Ну еще бы!

Держа руки на виду, Ян свел вместе большой палец и мизинец. Резко и несколько дергано, словно прорвалась нервозность. На самом деле движением-триггером юноша активировал заранее подготовленный и уже налитанный витой конструкт.

– Чего ты на самом деле от нас хочешь, дядя Богдан? – произнес он одновременно с этим.

Простой Заговор Дабога заставлял человека говорить правду. Конструкт на его основе, но рангом повыше, был способен даже лишить собеседника воли, но Ян недостаточно хорошо им владел для этого. Да и то начертание, которое он использовал, не сработало бы, если бы дядя находился под ментальной защитой или, например, был бы из тех лжецов, что сами верят в любую свою выдумку.

– Спасти детей своей сестры, – хмыкнул тот, не отводя глаз. – Дать им будущее, которого они достойны. И поверь, Ян, чтобы получить честный ответ, тебе не нужно использовать Заговор Дабога. Во-первых, это грубо, а во-вторых, не думал же ты, что родовой конструкт работает на главе рода, который его создал?

– Ты же понимаешь, что я не могу тебе полностью дове-

рять, — ничуть не смутившись, отозвался юноша. — Ты говоришь о спасении детей своей сестры, но я не вижу причин, зачем тебе это делать. Больше похоже на то, что тебе нужно что-то от нас. Прости, что не верю в эти твои слова про «инвестиции».

Некоторое время собеседники молчали. Затем Коваль нарушил тишину, сказав то, о чего у Яна вытянулось лицо.

— У меня нет детей, — произнес дядя негромко. — А еще я любил вашу мать. Больше, чем любят сестру.

Что на такое отвечать, парень не знал. Не готовит жизнь в глубинке к подобным разговорам. А потому он надолго замолчал. Богдан между тем продолжал говорить.

— Судя по твоему лицу, парень, ты невесть чего сейчас подумал. Нет, вы не мои тайные отпрыски, родил вас Франц. Дальше греховных помыслов мои чувства к Маришке никогда не заходили. Да, она знала, хотя я ей никогда не открывался, но женщины как-то умеют это понимать.

— Я и не думал!

— Конечно, думал. У тебя на лице все написано. Нужно учиться держать помыслы под контролем, а в этой глуши на это уйдет слишком много времени — стимулов недостаточно.

Довольный собой, Богдан откинулся на спинку старого кресла. Прикрыл глаза, а выражение лица у него стало мечтательным. Он заговорил, но у Яна сложилось впечатление, что слова эти предназначались не ему.

– Мы росли вместе. Небольшая разница в возрасте, всегда занятые родители, общие проказы и приключения. Мы были очень близки – как две половинки одного целого. Мы не представляли, как это – жить друг без друга. До поры. До тех пор пока не выяснилось, что она девушка, а я юноша. Что ее жизненный путь – выйти замуж и уйти, а мой – наследовать главе рода и продолжить дело Ковалей. Знаешь, это было нелегко принять.

Здесь дядя открыл глаза и в упор посмотрел на юношу. Голос его сделался жестким, взгляд – стальным.

– Я никогда не говорил ей, что люблю. Это было против законов человеческих и Божьих, а я не хотел, чтобы она разделяла со мной груз этой вины. Я помогал ей всегда – и после того, как она покинула дом и уехала в эту глушь. Негласно – деньги бы она не взяла. Но я следил, чтобы у твоего отца шло продвижение по службе, чтобы имперские чиновники не зажимали положенные ему премии за убитых тварей, чтобы проверки проходили в щадящем режиме, а выкупные цены за принесенные из-за Пелены ингредиенты оставались достойными. Я уже восемнадцать лет живу жизнью Эссенов и знаю про вас все. Даже когда Маришка умерла, я не забыл про вас – ведь Франц по-настоящему любил ее.

Он замолчал на минуту, давая Яну переварить сказанное, а потом закончил:

– Поэтому, дорогой мой племянник, я не просто родич, который явился после долгих лет молчания. Я пришел, что-

бы продолжить то, чем занимался раньше. Только теперь явно, а не тайно.

Ян не знал, что сказать. Откровения Ковалья одновременно напугали его и заставили по-другому взглянуть на этого человека. Мать умерла четыре года назад, а отец тогда чуть с ума не сошел, на пару месяцев превратившись из охотника в пьяницу. Но, если подумать, Четвертое отделение Императорского Указа, что ведало Стражами по всем землям Третьего Рима, продолжала платить ему жалование за службу даже тогда.

Получается, Богдан Коваль говорил правду. Что, впрочем, ничего не меняло. Эссены – марочные бароны. Они хранят земли людей от тварей преисподней! Кто это будет делать вместо них?

Однако и на это у дяди был готов ответ.

– Времена меняются, племянник. Они уже давно изменились, но Эссены предпочли этого не заметить. Как давно был последний Гон?

– При чем тут это?

– Ответь!

– В 19-м году от...

– В 1819, да. То есть тридцать семь лет назад, верно? Твари больше не стремятся нарушить границы старой Валахии. А почему? Все изменилось со времен второго Прорыва, а на Третьем стало окончательно ясно, что Высшим Валахская Геенна перестала быть интересна. Она хорошо охраняется,

в нее, как часы, ходят экспедиционные партии, собирающие алхимические компоненты. И, главное, бросив на границы людей свои легионы, Герцоги Ада ничего не выгадают. Армия Третьего Рима, конечно, понесет потери, но загонит тварей обратно в Геенну. А зачем начинать войну, если не можешь ее выиграть?

Разговор стал сворачивать куда-то не туда. Ян ожидал каких-то новых аргументов в пользу переезда во Львов, но Богдан Коваль почему-то стал говорить о делах Эссенев. Причем со знанием дела.

Валашская Геенна, действительно «ослабела» – так и отец говорил. За время недолгой жизни Яна твари ни разу не выходили за Пелену. Высшие демоны, или, как их еще называли, Герцоги Ада, словно потеряли интерес к этой своей вотчине. Зато сосредоточились на новых точках Прорыва: Асхабадской в Персии, Дуалайской на Черном континенте и Бельфагской на острове Ирландия.

Каждая из них возникла в результате Гона – этим термином обозначали нашествие тварей, которые вываливались за границы Пелены и расползались по миру, неся смерть всему живому. Люди не сразу разобрались в том, что толкает низших демонов в самоубийственное наступление, но, когда Асхабад вдруг полыхнул и превратился в Геенну, сообразили. Низшие собирали достаточное количество жертвенной энергии для прохода, одновременно с этим маскируя Прорыв кого-то из Высших демонов, желающих обрести свою

вотчину в этом пласте реальности.

Раньше, так было написано в дневниках предков Яна, Гон случался раз в десять-пятнадцать лет. Тот, что привел к образованию Асхобадской Геены, люди пропустили – были к нему не готовы. Тогда орда низших вышла через земли Десятой Марки. От Тирасполя двинулась к Херсону, где и завязла, не дойдя до Картлийского Царства. Это потом стало понятно, что, пользуясь неразберихой, в Асхабад смог добраться Герцог Валефор, избравший древний персидский город своим земным леном.

Далее Прорывы стали случаться регулярно, но люди уже научились с ними справляться. А еще выяснилось, что с каждым Прорывом Валашская Геенна «слабела». Словно открытие каждой новой истощало ее. В конце концов она дошла до того, что совсем перестала изрыгать из себя адских тварей, передав лавры первенства Асхабадской. Теперь Гоны шли оттуда, да еще из африканской. С Ирландией, как говорил отец, демоны изрядно опростоволосились – вода надежно изолировала земли Герцога Гасиона. Правда, то, как туда попал Высший, до сих пор оставалось загадкой.

С затиханием активности Валашской Геенны стала снижаться и роль Стражей рубежных Марок. Ранее опасная, но престижная служба стала понемногу превращаться в богадельню. Имперские бароны стали как бы и не нужны более, а на земли Марок потекли переселенцы, которым были обещаны серьезные налоговые послабления и подъемные.

Все это тревожило отца. По крайней мере, когда Ян достаточно подрос, они много говорили об этом. Но было странно знать, что и Коваль в предмете разбирается не хуже.

– В Четвертом отделении новую реальность поняли далеко не все, но для многих она уже очевидна. Вокруг Валашской Геенны больше не нужны Марки. Люди могут жить здесь и без охотников на адских тварей. Достаточно лишь хороших гарнизонов. И! – тут дядька раскинул руки, жест, который Ян раньше видел у ярмарочных зазывал. – Учитывая особые обстоятельства семьи Эссен, в качестве эксперимента именно так поступят с Седьмой Маркой. Она по-прежнему остается вашим леном, но уже через неделю сюда прибудет усиленная центурия Пятого Житомирского Гвардейского Легиона.

– Усиленная? – только и смог вымолвить Ян. Новость о том, что его семье больше не нужно служить щитом людским землям, буквально раздавила его. Военные всегда квартировали в Черновицах, однако они были не более чем подмогой настоящим Стражам Пограничья. Оцепление поставить или эвакуацию организовать. Но чтобы обычные люди, мало чем, кроме модумов, способные противостоять демонам, такого еще не бывало.

– Усиленный выпускниками Львовского Гимназия в ранге Серых Рыцарей. Десяток обученных боевых магусов, которым нужна реальная практика, плюс сотня солдат и офицеров с модумным оружием вполне способны проследить

за порядком, пока ты и твоя сестра будете получать достойное дворян образование.

– Образование? – юноша совсем растерялся. – Какое еще образование?

– Самое лучшее! – Коваль теперь улыбался, как счастливый отец семейства, начавший дарить подарки к Рождеству. – Львовский Гимнасий для тебя и твоей сестры. Конечно, необходимо еще уладить все формальности, передать дела здесь, пройти профильное тестирование там, но о главном уже все договорено.

Яну хотелось вскочить, закричать, что все это нечестно, что у него есть долг, и вообще, жизнь в этой, как выражается дядя Богдан, глуши его вполне устраивает. Но делать этого он не стал. Понимал, что выглядеть подобное поведение будет как минимум по-детски. Наследнику Седьмой Марки так себя вести невмочно.

А еще он понимал, что дядя Богдан все предусмотрел. И что именно благодаря его усилиям в Марке будет развернута центурия обычных вояк, пусть и усиленных Серыми Рыцарями. Не понимал он только одного – зачем это его родичу? Правда, что ли, только потому, что своих детей он не имел и тайно любил их со Софией мать?

Интерлюдия

Шестью часами позже этой беседы, уже под ночь, Богдан Коваль добрался до сельца Калуш, где планировал остановиться на ночь. Наскоро и без аппетита поужинав, он поднялся в комнату постоялого двора и устало рухнул на кровать, даже не стянув сапоги. Но отдохнуть ему не дали. Сработало устройство связи – модум, настроенный на одного-единственного собеседника. Дорогая игрушка, но Восьмое Отделение могло себе позволить и не такое.

– Чего тебе не спится, Николай? – устало спросил Богдан.

Модум, небольшой скругленный с боков прямоугольник с большим белым камнем посередине он поставил на стол. Встроенный в кристалл конструкт засветился и сформировал проекцию лица собеседника.

Связавшийся с Ковалем человек был немолод, лет пятидесяти, и внешность имел самую непримечательную. Тонкий нос, узкий рот, глаза, в которых застала профессиональная настороженность и недоверие ко всему на свете. Чиновник, причем не из больших.

– Как все прошло?

Тон у говорившего тем не менее был таким, что любому стороннему наблюдателю стало бы ясно, что в этой паре главный именно он, а не Коваль.

– Нормально прошло, – отмахнулся Богдан с небрежным видом, показывая, что собеседник ему не только начальник, но и старый друг. – Мальчишка, конечно, покочевряжился, но рассудок у него есть, и считать он умеет. Надо было лишь эту их родовую эссенскую спесь успокоить. Что, мол, не пойдет прахом дело их благородных предков десяти или сколько их там было колен. Так что теперь он ждет командира усиленной центурии, передает ему все дела и отправляется во Львов.

– Ясно. Хорошо, – отозвался Николай.

– Ты так сказал «хорошо», что ежу понятно – ты так не считаешь.

– Сомнения, конечно, имеются...

– Коля, ну сколько можно?! Мы уже раз на сто все обговорили, а ты снова за старое! Нет другого варианта у нас! Нет! По крайней мере, мы его не видим.

– Но риск...

– Высок! Очень высок, и я это прекрасно понимаю! Но Христа ради зачем ты опять затянул эту волюнку?

– На душе что-то скребется... Нет, ты не подумай, я не размяк. Но мальчишке семнадцать лет, а мы делаем ставку на него? Опуская тот факт, что он твой родной племянник, а ты его под смертельную опасность ведешь, поговорим о другом. Как мы сможем его контролировать? Он же еще щенок! Не просто щенок, а еще и с умильными представлениями о реальном положении дел! Там, где нужно действо-

вать инквизиторам...

– Они уже действовали, верно? Коля, три группы! Дюжина отличных ищек, в обучение которых империя вгрохала огромные деньги, сейчас хранится на леднике в подвале львовского морга! Тебя чуть не отстранили!..

– И тогда ты решил, что твой племянник, лишившийся отца, отлично сможет заменить нам специалистов.

– Ты знаешь, как я отношусь к совпадениям.

– Так же, как и я.

– Вот именно. На авгура не претендую, но это знак. К тому же его родовые конструкторы позволяют...

– Да-да, ты говорил. Но в последнее время мне кажется, что мы просто хотим так думать. Два упертых старика, несколько раз получивших по носу и потерявших надежду.

– Возможно. Слушай, ты зачем вообще на связь-то вышел? – Богдан решительно сменил тему. – Я уже завтра к вечеру буду во Львове, там бы и пообщались, если уж тебе неинтересно.

– Новый случай...

– Да твою же Бога душу мать!

– Следи за языком.

– Прости. Так же?

– Да.

– Зацепки?

– Сам же знаешь, что никаких. Вот я когда доклад читал и подумал с тобой связаться. Ну, вдруг паренек отказал-

ся и...

– И – что? Что мы тогда будем делать? Пойдем к великому князю, падем в ноги и скажем...

– А может, и стоит уже? Похоже, мы не справляемся.

Богдан Коваль рассмеялся. Устало, безрадостно, но лицо, висящее в воздухе напротив него, тоже растянуло губы в улыбке.

– Отставить нытье, господин старший инквизитор!

– Покомандуй мне тут еще! Все. Конец связи. Завтра по приезде – сразу же ко мне.

– Вас понял, экселенц.

Когда модум моргнул белым своим глазом и погас, Коваль снова рухнул на жалобно скрипнувшую кровать и пробормотал:

– Не уверен он. Надо же. Я как будто уверен!

Глава 3. Львов

Переезд прошел буднично, и Яну как-то совсем не запомнился. Было много суеты, неразберихи и ожидания. Передача дел суровому и немногословному центуриону, продемонстрировавшему приказ Четвертого отделения Имперской Канцелярии, согласно которому следующие четыре года именно он, а не род Эссен, отвечает за охрану земель Седьмой Марки. Закрывшие финансовые вопросы с Толстяком, нашедшим наконец покупателя на косу Стервятника. А потом как-то сразу Львов.

Нет, была, конечно же, еще и дорога. Обустройство на новом месте, несколько дней, во время которых владелец роскошного городского поместья, а также по совместительству их дядя Богдан, не появлялся дома, переложив расселение новых жильцов дома на слуг.

Но все это прошло как будто бы фоном для юного наследника рода Эссенов. Который до сих пор не мог поверить в то, что разорвал традицию служения его семьи, простым роцкером пера позволив какому-то пехотному центуриону заниматься тем, что, как он полагал, должно было стать смыслом его существования.

Документы, к слову, были в полном порядке. Неизвестно, каким влиянием обладал Богдан Коваль в Имперской Канцелярии, но он в самом деле смог каким-то образом прода-

вить экспериментальное «замещение» охотников солдатами.

– Не в своей тарелке, да? – произнесла София за завтраком на пятый после прибытия во Львов день.

Слуги накрывали в небольшой столовой, которая была удивительно похожа на такую же в поместье Эссенов. Только тут не было звериных голов, развешанных по стенам, и коллекции некогда боевого оружия, с которым их предки ходили на адских тварей в первые годы после Прорыва.

Вместо этого стены поместья украшали лакированные деревянные панели с изящной резьбой и дорогие ткани. А еще свет – он проникал в помещение сквозь начищенные до полной прозрачности большие окна, которые здесь – вот ведь неосторожность! – никто не спешил закрывать массивными железными решетками.

– Да.

– Я не ставлю под сомнение твое решение и даже поддерживаю его... – сестра подняла на вилке тонкий лист салата и принялась рассматривать его на свет, словно он содержал ответы на все ее вопросы. Вела она себя как напыщенная аристократка.

– Но?

София хмыкнула. Сменившая мужскую одежду, в которой щеголяла дома – какой смысл рядиться в платье, если в любой момент может возникнуть необходимость брать в руки оружие и сражаться, – она превратилась из угловатого мальчишки в яркую и весьма привлекательную девочку.

Точнее, уже девушку. Почти.

Красота Софии досталось от матери. Если Ян унаследовал все черты своего отца-пруссака и даже в хорошем настроении выглядел так, словно с неба вот-вот пойдет дождь из жаб, то его сестра выглядела ярким лучиком и в мрачном поместье Эссенев.

Рыжие волосы, задорно вздернутый носик, очаровательные ямочки на щеках и зеленые глаза, в которых будто бы от рождения поселилось ожидание радостного удивления. Еще не распустившийся, этот цветок, без сомнения, вскружит головы многим мужчинам.

– Но ты казнишь себя, – закончила София. – Ты принял решение, был уверен в его правильности, но сейчас сидишь с таким видом, будто все наши предки огласили в отношении тебя вердикт – предатель!

– А это не так? – кисло ухмыльнулся Ян. – Так-то получается, что я, будучи последним из рода, отказался выполнять обязанности...

– Ян! – мягко прервала его сестра. – Но ведь ты сам говорил, что у нас попросту не хватило бы денег на содержание дома без жалования Стража. А тебе оно не светило еще три года.

– Говорил.

– И это не говоря о том, что один бы ты охотиться не смог. Даже мы вместе не смогли бы... Вообще, я считаю, что дядя Богдан прав. И отец об этом говорил, когда... – тут де-

вочка немного запнулась, но быстро поправилась. – Раньше. Помнишь, он ведь собирался отправить меня во Львов в этот самый Гимнасий! Потому что понимал – дома нас ничего не ждет, кроме охоты. Которая нужна-то была лишь для того, чтобы прокормиться!

– Адские твари...

– По-прежнему выходят за Пелену, да! Но какие? Дохлая стая Гончих раз в месяц, с которой фермеры в большинстве своем справляются сами? Гона не было почти сорок лет, серьезные демоны давно не покидали Геенны! Наша служба превратилась в фикцию!

– Это не так!

Вместо Яна эту фразу произнес Богдан Коваль.

Он вошел в столовую стремительно. Широко шагая, двинулся от двери к столу. Вид у него был слегка помятый, будто он не спал всю ночь, лишь под утро прикорнул, да и то в весьма неудобной позе. Сняв легкий плащ, он бросил ее на руки горничной, попросив вслед за этим и ему накрыть на стол.

София и Ян поднялись, приветствуя своего опекуна, на что тот сразу же замахал руками.

– Давайте сразу очертим наши отношения, дорогие мои, – поправив печально висящие усы, он уселся напротив Яна и с улыбкой посмотрел на обоих. – Это ваш дом. Я ваш дядя. Этикет, все эти правила приличия и пять видов вилок для разных блюд остаются за стенами дома. Здесь есть толь-

ко близкие, пусть пока еще и довольно малознакомые люди. Так что никаких вскакиваний из-за стола с поклонами, никаких «не соблаговолит ли господин Коваль» и тому подобной чепухи я видеть и слышать не желаю. Ведите себя здесь так, как у себя дома.

– Дома мы убивали чудовищ, – буркнул Ян.

Он тут же пожалел о своей резкости, ведь от родича ничего плохого он не видел, напротив, только хорошее. Однако что-то мешало ему просто принять над собой старшего, по сути, замену отцу. И дело было даже не в той скорби, которую юноша испытывал до сих пор. А в том, что он уже успел примерить на себя роль главного в роду. И ему почему-то не хотелось вновь уступать первенство.

– И поэтому в вашей жизни был смысл, верно? – хмыкнул Богдан, словно не заметив ершистого замечания племянника. – Да, тут с этим сложнее. Большая часть чудовищ, обитающих в этом городе, неуязвима для честной стали или магических конструкторов, а в качестве оружия использует не когти и клыки, а уложения, положения, уставы и прочие многотомные сочинения. И кстати, София, ваша жизнь в Марке не была фикцией. Пожалуйста, не обесценивай того, за что отдали жизнь ваши родители.

– Но вы же сами! – вскинула тут же девочка. – Вы сами сказали Яну, что с нашей работой теперь могут справиться и солдаты!

– Ключевое слово – теперь, моя дорогая. – Тут перед ним

поставили тарелку с сырниками и соусницу с вареньем, после чего на несколько минут мужчина погрузился в процесс принятия пищи.

Судя по всему, оголодал он изрядно. Как бы подчеркивая свои слова о слабом значении этикета, он брал румяные творожные оладьи руками, обильно обмазывал их вареньем, после чего целиком отправлял в рот, умудряясь при этом не испачкать усов. Расправившись с последним, а их на тарелке было шесть штук, он промокнул губы салфеткой, сделал долгий глоток морса, после чего, извиняясь, улыбнулся и продолжил говорить:

– Так вот, теперь. Теперь, дорогая моя, у нас есть сильные типовые конструкты, которые может ставить даже вчерашний выпускник Гимназия в ранге Белого рыцаря и скорострельные штуцеры с модумными пулями. У нас есть отлаженная система подготовки магов младшего и среднего звена, которых один только Львовский Гимнасий выпускает в год около пятидесяти человек. У нас есть система раннего оповещения о Прорывах, способы обнаруживать тварей за пределами Геенны по остаточной ауре и еще много чего. Когда же ваши предки взяли на себя заботу о безопасности проживающих в Марке и за ее пределами людей, у них были лишь слегка усиленные магией мечи и копья. Ваши родовые конструкты, идеально подходящие для того, чтобы разить адских тварей, появились в результате сложных проб и жестокой практики, а ваши деды с бабками кровью опла-

тили каждую ошибку в расчетах оных.

Ян смотрел на родича и не мог поверить в то, что слышит. Не сказать, что он опровергал все сказанное им раньше во время первой их встречи, но определенно, теперь он подавал свою точку зрения под совсем иным углом.

– Но многое изменилось, как я уже говорил твоему старшему брату, моя дорогая. Валашская Геенна затихла, а появление новых толкает наших воинственных соседей, тех же османов, например, на необдуманные поступки. Сегодня поле битвы Эссенов сменилось – вот как стоит думать, Ян. Не брошено, не оставлено, а именно – сменилось.

Он некоторое время помолчал, как бы давая юноше правильно уяснить свои слова, после чего сменил тему.

– И, кстати, о Гимнасии. Сегодня нас ждут на тестировании в Экзархате, после чего можно будет подавать ваши заявления на обучение.

Ян уже обсуждал с дядей их обучение в Гимнасии, но не думал, что время туда поступать наступит так скоро. Даже стало немного не по себе, когда он понял, что уже завтра-послезавтра ему предстоит знакомиться с толпой сверстников, которые наверняка будут смотреть на него как на деревенщину из глубинки. Кем, как выяснилось за каких-то пять дней жизни во Львове, он и являлся.

Софию же волновали совсем другие вопросы. Она с нетерпением ждала начала учебы, а вот упоминание Экзархата ее напугало.

– А почему тестирование проводят в Экзархате? – спросила она. Дома, в Черновицах, этим занимался отец.

– Порядок такой, моя дорогая, – развел руками Богдан. – Контролем за даром занимаются церковники. Его развитием и ростом – сами маги. Но ты не волнуйся, в том нет ничего страшного! Просто посмотрят, как сейчас вита в теле функционирует, какова ее направленность и потенциал. В вашем случае, конечно, понятно, что направленность родовая, но без формального тестирования в Экзархате в учебное заведение поступить нельзя.

Дома процедура тестирования проходила просто. Отец погружал испытуемого в легкий транс и с помощью магнифайра изучал потоки виты. Потом, читая старые таблицы, составленные еще его прадедом, выносил вердикт. Последний раз с Софией он это проделывал год назад. Тогда она находилась в ранге Белого Рыцаря, тогда как Ян – Серого.

Сам юноша тестирования не боялся, лишь испытывал определенное смущение от того, что незнакомцы из Экзархата станут изучать его, пока он будет совершенно беспомощным.

Спустя час они втроем вышли из дома, сели в дядину коляску и направились к Экзархату. Поместье Коваля находилось на окраине города, в тихом районе вилл, неподалеку от Лычаковки, а ехать предстояло в центр, в Средместье. День уже стоял в самом разгаре, и улицы были изрядно забиты колясками и пешеходами.

От многолюдья Ян сильно страдал. Выросший в тишине Седьмой Марки, он просто глух от шума, производимого сотнями человек. Порой даже хотелось залить в уши воск, чтобы не слышать этого многоголосого гула, которого, как казалось, тот же Богдан Коваль совсем не замечал.

А вот архитектура города юноше нравилась. Очень много белых домов, ярких красных крыш, резных наличников и сверкающих стеклянных витрин. Столько стекла сразу в одном месте он не видел еще ни разу в жизни. Ладно в окнах – этим и в Черновице никого нельзя было удивить. Но двери, целиком сделанные из цельной пластины стекла? Огромные витрины в два человеческих роста? Части крыш, наконец?

На последнее он обратил внимание опекуна.

– Последнее слово моды, – с неодобрением произнес Богдан. – Из Франкского княжества пришло, а местные барыги все как с ума посходили. Я этого не понимаю. Как можно иметь в доме крышу, через которую небо видно?

– А случись град – не побьет? – спросила София. Она, в отличие от мужчин, смотрела на диковинку с восхищением.

– Так в них же конструкт прочности встроен, – пояснил дядя. – Как в щиты. По сути, это модумы, только для гражданского использования. Обычно в окнах делают закалку на второй ранг, чтобы случайно брошенной каменной не разбить, а эти, в крышах, имеют третий.

– Дорого, наверное? – в прусской части души наследника небогатого рода шевельнулась жадность.

– Безумно, – с той же эмоцией на лице ответил ему Коваль, хотя был славянином.

Спустя полчаса неторопливой езды они добрались до центральной части города, где дома были куда более консервативными, а стеклянных крыш не наблюдалось вовсе. Даже окна тут были маленькими, не чета тем, что ставили в предместьях и новых районах. Да и сама архитектура тут была более монументальной. Чувствовалось, что каждый из стоящих здесь домов в свое время мог запросто превратиться в небольшую крепость.

– Тут у нас в основном старые львовские и киевские роды живут, – произнес Борис Коваль. – Еще свеи, которые после Почетного Мира тут остались. Жидаы, естественно, как в богатом районе без них. А вот это здание и есть Экзархат.

Указанное им сооружение явно когда-то было католическим храмом. Ян исторические труды читать любил, а предки его смогли собрать довольно неплохую библиотеку. Поэтому он без труда узнал характерный архитектурный стиль, принадлежавший уже два с половиной века как запрещенной в империи христианской конфессии. С тех пор как на этих землях воцарился Третий Рим, все имущество католиков было у них изъято и передано в государев резерв. Откуда расплзлось по ведомствам и службам, но осело в основном в Патриархате.

Львовский Экзархат же, хоть и являлся структурой, входящей в Церковь православную, никаких неудобств от расположения в католическом храме не испытывал. На входе гостей встретил служка в черной рясе и без головного убора. Возрастом он был максимум на год старше Яна, но держался так, будто уже видел в этой жизни все.

– Цель визита? – осведомился он тоном уставшего от просителей чиновника.

– К отцу Варфоломею, – без приязни ответил Коваль.

Паренек сразу оживился, на лице появилась угодливая улыбка, а ощущение неприветливости словно ветром сдуло.

– Следуйте за мной, почтенные господа.

Он провел визитеров вокруг храма, углубился в дворовые застройки и вскоре остановился у небольшого здания, больше всего напоминающего казарму. Отворил дверь, но сам внутрь входить не стал, произнеся лишь светское:

– Прошу.

Вслед за Ковалем Ян и София вошли внутрь. Успели разглядеть длинный коридор и множество дверей, в него выходящих, когда свет вдруг загородила массивная фигура человека. Ростом он был выше двух метров, с плечами не про всякий дверной проем, а телесную его мощь не могла скрыть и бесформенная черная ряса.

– К отцу Варфоломею, – повторил Коваль снова.

Богатырь даже кивать не стал. Молча повернулся и пошел по коридору. Остановился у одной из множества безликих

дверей, постучал в нее и, ни слова больше не говоря, вернулся на пост.

– Он такой огромный! – шепнула София на ухо брату.

Тот кивнул, а Богдан, услышавший это, сказал:

– Это святой воин, моя дорогая.

– Настоящий святой воин?

От удивления девочка произнесла это так громко, что не осталось никаких сомнений – их провожатый все услышал. Но никак не отреагировал, замерев близ входной двери.

– Настоящий, – хмыкнул Коваль. Он хотел было еще что-то добавить, но тут из-за двери раздалось: «Войдите», – и им пришлось прервать разговоры.

Комната, в которой они оказались, была совсем небольшой, четыре на четыре метра максимум. Однако в это пространство каким-то образом вместили массивный стол, за которым восседала изрядно постаревшая копия богатыря из коридора, а также четыре стула, на изголовьях которых крепились странные устройства из черной проволоки и явно драгоценных камней. Выглядели они так, что не оставалось никаких сомнений, их надевают на голову посетителям. Яну, несмотря на то что он в своем юном возрасте уже неоднократно сражался с порождениями Ада, стало страшновато.

– А вот и вы, господин Коваль! – радушно пробасил пожилой монах, улыбаясь вошедшим. – А это, стало быть, ваши подопечные?

– Мои племянники, – поправил хозяина кабинета Бог-

дан. – Благодарю, что приняли нас, отец Варфоломей.

Холодные серые глаза богатыря оглядели Яна и Софию, после чего потеплели.

– Мои соболезнования, молодые люди, – сказал он. – Все мы ходим под Богом, и лишь ему одному известно, когда оборвется наш жизненный путь.

После сказанного он опустил голову, но лишь на миг. Когда поднял ее, вид у него сделался деловым.

– Давайте же начнем. Понимаю, при взгляде на эти штуковины даже храбрейших воинов бросает дрожь, – он кивнул на проволочные оголовья. – Но заверяю вас, анимафоны совершенно безвредны, и что бы там ни говорили ретрограды и газетчики, вовсе не крадут душу испытуемого. Да и работать с ним не в пример проще, чем с теми же магнифайрами. Те лишь замеряли плотность потоков виты, а анимафон еще показывает прочность духовной клетки, коей одаренный управляет жизненной энергией. Прошу вас, садитесь.

Испытуемые нерешительно затоптались, но монах уже легко поднялся, обошел стол и с мягкой непреклонностью усадил обоих. Не успели Ян с Софией что-то сказать, как у обоих на головах оказались эти проволочные диадемы.

– Последний раз проходили тестирование в семье год назад... – тем временем бормотал под нос отец Варфоломей, уже изучающий бумаги. – Мальчишка в ранге Серого Рыцаря, хм... в шестнадцать лет? Неплохо-неплохо. Девочка Белый Рыцарь... ага. Клеть? Ах, ну да, все время забываю, что

они с родовыми конструктами работали... Тогда объяснимо, конечно. Что же, давайте взглянем, что у нас изменилось за прошедший год.

Монах приблизился к испытуемым, прикоснулся пальцем к самому крупному камню в диадеме Яна, пустив в него капельку виты. Юноша напрягся, ожидая чего угодно, хоть разряда электрического тока, но вместо этого отключился.

Повиснув в безбрежном океане Великого Ничто, молодой человек с удивленным восхищением смотрел, как вокруг вспыхивают фигуры божественной геометрии. Те самые, что стали основой для создания конструктов. Прекрасные и совершенные творения разума, многократно превосходящего человеческий. Прямые и изогнутые линии, четкие узлы и пересечения, неожиданные построения, смысла которых он не мог уяснить.

Он словно наблюдал за тем, как Бог создает мир. И чувствовал себя крохотной букашкой, которой зачем-то позволили это увидеть. На его глазах альфа неуловимо изменилась, превратившись в тету, которая, в свою очередь, стала омегой⁷. Затем символы замелькали с такой скоростью, что уже не представлялось возможным понять, что происходит.

А потом яркая вспышка стерла все начертания, и Ян как бы ослеп. Это не напугало его, напротив, погрузило в со-

⁷ Альфа, тета, омега – буквы греческого алфавита.

стояние священного восторга, а в глубине души юноши появилось ощущение, что он вот-вот поймет что-то очень важное. Не смысл жизни и замысел Творца, но, определенно, нечто не менее грандиозное.

Состояние это длилось недолго. Или вечно – трудно оперировать понятием «время» там, где оно закольцовано само в себя. Но так или иначе, свет пропал, в ничего не видящих глазах Яна появилась начертание лямбды⁸, после чего он вновь оказался на стуле.

– Интересно, – услышал юноша голос отца Варфоломея. – Такой скачок всего за один год? Молодой человек, вы принимали усиливающие клеть эликсиры?

Оглушенный погружением, Ян не сразу понял, что обращается монах к нему. Потребовалось не меньше минуты, чтобы окончательно прийти в себя и отрицательно покачать головой.

– У нас нет столько денег, святой отец... – хрипло добавил он.

Усиливающие эликсиры и правда стоили каких-то запретных денег. Десять тысяч за самый слабенький – кем нужно быть, чтобы развивать дар с их помощью? Явно не Эссеном!

– Ну да, ну да... – рассеянно пробормотал богатырь. – Конечно же. А событие-триггер? Хотя что я говорю. Детиш-

⁸ Лямбда – буква греческого алфавита.

ки же из Пограничной Стражи, небось, родители их начали водить за Пелену еще... Ах, ну конечно! Отец! Удивительно, конечно, но вполне объяснимо.

Ян из сказанного им не понял практически ничего, да и не вслушивался, если уж совсем честно. Вместо этого он, повернув голову, смотрел на сестру, сидящую на соседнем стуле. Которая только сейчас стала приходить в себя.

– Ты как? – неслышно, одними губами спросил он у нее.

Та покачала головой, мол, все в порядке. Но сделала при этом такую мордашку, будто ее сейчас стошнит. Строить рожицы София умела – Яну стоило большого труда не рассмеяться.

– Да, молодой человек. У вас есть все причины радоваться, – по-своему истолковал его улыбку отец Варфоломей. – Подробности я расскажу позже, когда вы с сестрой немного придете в себя, но уже сейчас могу с уверенностью сообщить вам, что с момента последнего тестирования ваш ранг изрядно вырос. По объему виты и структуре клетки вы находитесь на уровне Младшего Командора. Практика, конечно, покажет иной уровень контроля, но это дело такое – подтянете. Главное, что рубеж вы прошли, точнее, даже два сразу. Не небывальщина, конечно, но явление достаточно неординарное.

Ян округлил глаза. Перепрыгнуть через ранг? За год? Это вообще возможно? Подойти к семнадцати годам к рангу, лишь на один отстающему от отцовского? Он и не мечтал

О таком.

– А у Софии? – спросил он, все еще переваривая новую информацию.

– Ну а с вашей сестрой, молодой человек, все вполне ясно. У нее есть очень хорошие предпосылки для развития в святого воина Церкви.

Глава 4. Гимнасий

Вот так довольно многообещающе начавшийся день завершился самым паскудным из всех возможных вариантов, которые юный наследник рода мог себе вообразить. Софию, потомка рода с трехвековой историей борьбы с силами Ада, после тестирования в Экзархате и обнаружения в ней редкого потенциала пригласили для обучения в Лицей.

У Эссенов с Патриархатом отношения были далеки от безоблачных. Церковников всегда злило, что имперские бароны, получившие в лен пограничные Марки и стоящие на страже рода человеческого, находятся не в их юрисдикции, а под крылом напроць мирской организации под названием Имперская Канцелярия. К тому же охотники высочайшим императорским рескриптом были освобождены от уплаты церковной десятины. Не сказать, что Патриархат терял на Стражах много денег, но сам факт...

Эссены платили святошам той же монетой. Следили за сохранностью имущества, но сами его содержать отказывались. Попов, направленных в Седьмую Марку, привечали, но на службы их не ходили. Однажды, лет пятьдесят назад, даже отбили у кучки агрессивно настроенных крестьян, ведомых священником-фанатиком, ведьму. Которая оказалась обычной девчонкой-травницей, а не закладной с изъеденной скверной душой, но весьма красивой и уж больно неуступ-

чивой к знакам внимания духовного лица.

То есть дружбы между церковниками и имперскими баронами не было. Но и на войну их отношения, конечно же, не тянули. Так, вооруженный нейтралитет и всегдашняя готовность поставить друг другу подножку. И тут вдруг потенциальный святой воин. В семье, где их отродясь не рождалось.

Святые воины в иерархии одаренных всегда стояли особняком и рангами не измерялись. Как измерить того, чья сила заемная. Вот перед тобой маг в ранге Командора, все с ним ясно, предел его очевиден, а скорость создания конструкторов и их сила измерена и взвешена. А вот он же вызывает к святым заступникам, а то и напрямую к Спасителю, и с рук его сходит огонь, способный спалить несколько городских кварталов.

Поэтому святых воинов отдавали Церкви. Если Львовский Гимнасий готовил боевых магов для армии Третьего Рима (ну, и еще немного чиновников с дипломатами, но тоже преимущественно для военной службы), то Лицей, находящийся под патронатом Православного Патриархата, возвращивал в своих стенах будущих церковных иерархов и одно-разовых по сути силачей. Многие из святых воинов, однажды применив заемную божественную мощь, больше к магии прикасаться не могли. Тот же отец Варфоломей вряд ли по доброй воле сидел на тестировании.

И таким же калекой могла сделаться София фон Эссен.

«Не бывать этому никогда!» – хмуро решил Ян. Твердо решил, точно зная, что будет следовать по этому пути, что бы ни случилось.

К его удивлению, Коваль решительно поддержал его точку зрения.

– Мы, конечно, еще обдумаем ваше предложение, отец Варфоломей, – произнес он. – Но, скорее всего, отклоним его. Со всем возможным уважением.

– Но почему? – без обиды, но с явным недоумением на лице спросил богатырь, который сам большую часть жизни просидел вовсе не на кабинетной работе. – Такая разновидность дара очень редка! Подумайте об открывающихся возможностях! Потомок легендарного клана, на протяжении трехсот лет борющийся с чудовищами, становится Защитником Веры и Человечества!

Произнес он это с явственным огоньком фанатизма в глазах, отчего Яну сразу же показалось, что из кабинета их так просто не выпустят.

– Именно потому, что она Эссен, – отрезал Коваль, кажется, совершенно не беспокоясь о том, что может поссориться с церковником.

– Богдан, ну что за глупости! – пробасил отец Варфоломей. – Вы же просвещенный человек! Еще скажите, что верите в эти крестьянские побасенки про то, как адские испарения пропитывают плоть и кровь наших доблестных защитников, отчего те перестают быть людьми!

Ян сжал зубы, чтобы не влезть в разговор и не сделать ситуацию хуже. Уж он-то знал, что все эти «побасенки крестьянские» распространяют именно церковники.

Да и не нужна была помощь его дяде. Торговля явно научила его, как вести спор даже со священником.

– Дело не в этом, отец Варфоломей, – спокойно ответил он. – Просто именно эту девочку вам вряд ли удастся переучить. Видите ли, ее развитие с рождения шло по схеме, которую разработали в роду Эссен. И направлена она на работу с родовыми конструктами. Стражи даже базовым конструктам детей не обучают, которые здесь у нас любому школяру известны. А все для того, чтобы сражаться с демонами.

Сказанное Ковалем было совершеннейшей чушью и теми самыми побасенками, упомянутыми монахом. Однако и сейчас Ян промолчал, понимая, что именно закрытость пограничных родов играет им на руку.

– Если так... – задумчиво пробурчал богатырь.

– Именно так, святой отец! – Богдан подхватил здоровенную лапищу хозяина кабинета, приложился к тыльной ее части губами. – В любом случае мы очень благодарны вам за предложение и замечательным образом проведенное тестирование, но теперь мы уйдем. Завтра результаты тестов уже будут в Гимнасии?

Монах поджал губы и кивнул.

– Превосходно! Тогда всего доброго!

– Храни вас Господь, дети мои, – по инерции откликнулся

богатырь.

До коляски визитеры добрались в молчании. София явно была ошарашена тем, что в ней, оказывается, дремал дар святого воина, Ян размышлял – спустит ли церковь отказ, а о чем думал Коваль, по лицу было определить невозможно. Усевшись на диван, он весело усмехнулся и велел кучеру трогаться в путь.

– Испугались? – небрежным тоном спросил он у Эссенов.

– Напряглись, – ответил Ян, а его сестра лишь согласно кивнула.

– Не стоит. Не те времена, когда Патриархат отбирал одаренных, способных стать святыми воинами, поплеывая на мнение их семей. Сто лет назад – да. Тут бы я ничего не смог сделать, и пришлось бы нашей юной красавице отправляться в Лицей, чтобы пополнить ряды паладинов. Обет безбрачия, Христова невеста и тому подобное. Мужеподобная внешность прилагается, – под конец Богдан не удержался и рассмеялся.

– Дядя! – тут же стукнула его кулачком в бок София.

– Да, прости. Но сейчас ничего из этого тебе не грозит. Завтра поедem в Гимнасий, а послезавтра вы оба уже начнете учебу. Надо спешить, вы и так больше месяца занятий пропустили, а ради вас курс заново читать никто не будет. Придется поднапрячься и догнать сверстников.

– Со схемой обучения, кстати, хороший ход, – сказал Ян.

– А? Так это неправда? – делано удивился Богдан. Затем

рассмеялся, хлопнул племянника по плечу. — Спасибо. Не в моих интересах, чтобы в семье появился святоша.

После этих слов молодой Эссен уже не в первый раз после знакомства с дядей задумался о том, каковы же были его истинные интересы. Не то чтобы он не верил в рассказ Коваля о братских чувствах, но этот мотив казался ему недостаточным. По его мнению, чтобы холостяк и успешный купец вдруг решил изменить свою жизнь, наполнив ее заботой о двух дальних родственниках, требовалась более серьезная причина. А уж для того, чтобы добиться отправки на границу с Геенной целой усиленной боевыми магами центурии, тем более.

Впрочем, копать глубоко Ян не собирался. Был уверен — и так говорил его отец, — что все тайное рано или поздно станет явным. К тому же Богдан Коваль казался ему хорошим человеком, а недоговаривать он мог, считая воспитанников слишком юными. Взрослые постоянно так поступают, даже их отец не был исключением.

Остаток дня семейство провело в поместье, заполняя требуемые для поступления в Гимнасий документы. Зачисляли обоих Эсенов без вступительного экзамена и проверки знаний — дети имперских баронов имели такую привилегию. Стражам Пограничья вообще очень много позволялось, по крайней мере, если верить тем бумагам, что хранились в семье.

Каждый император, взойдя на трон, считал своим долгом

подкинуть защитникам человечества небольшую и сложно используемую подачку. Право сидеть в присутствии императора, например. При том, что аудиенцию у последнего Эссены получали лет двести назад. Или вот внеконкурсное зачисление в любой имперский Лицей, Гимнасий или Академиум – с учетом того, что учили своих детей имперские бароны самостоятельно.

Обучались в Гимнасии с двенадцати лет, но с учетом того, что дар у детей проявлялся по-разному, где-то в промежутке с двенадцати до восемнадцати лет, принимали туда в самом разном возрасте. Так, Яну предстояло пойти в третью возрастную группу, в которой занимались юноши и девушки от шестнадцати до восемнадцати лет. Софию же ждал вторая, где собирали детей с четырнадцати до шестнадцати. На первой учились совсем малявки – от двенадцати до четырнадцати.

Вообще, система обучения в Гимнасиях была построена следующим образом. Для первой возрастной группы обучение делилось на две части: четыре года обычной, в принципе, школы, с некоторым уклоном в теорию геометрии, после которых начиналась уже их подготовка как боевых магов. У второй группы все обстояло примерно так же, с той лишь разницей, что первая фаза обучения составляла не четыре, а два года. Ну а третья группа, или, как ее здесь называли, поток, имела лишь один год на выявление способностей и направленностей, после которого училась еще три го-

да – уже с профильной специализацией.

При этом уровень образования для потоков, разумеется, был разным. Поздно обнаружившие свой дар и не получившие домашнего, как Эссены, обучения могли после выпуска рассчитывать лишь на карьеру армейских боевых магов. Ну, или телохранителей в родовых дружинах, если ранг поднимался выше Младшего Командора. Детишки, начавшие грызть гранит науки в более нежном возрасте, получали от жизни больше и уже могли рассчитывать и на придворные должности. Не в Москве, конечно, но в столицах Великих Княжеств Третьего Рима, что тоже было очень неплохо. По крайней мере, так было написано в реляции⁹ Львовского Гимнасия, которую Коваль выдал племянникам.

– На деле же все обстоит немного иначе, – ухмыляясь в усы, пояснил дядя. – Изначально так и было, учителя выявляли направленности дара слушателя и в соответствии с ними проводили распределение. Но со временем, когда в Гимнасиях стали обучаться вместе и одаренные простолюдины, у которых дар проявился без пестования родовой линии, и родовичи, сотни лет развивающие определенные семейные конструкты, это стало фикцией. Фактически сейчас все обстоит следующим образом. Простолюдинов распределяют по факультетам в зависимости от разнарядки военных, по-

⁹ Реляция – здесь слово используется в значении презентации. Третий Рим впитал в себя множество латинских и греческих слов, не всегда правильно их используя.

лицейских и чиновничьих. Конечно, направленность учитывается, и никто не отправит на боевой факультет способного аналитика или целителя. Но выбор у ребят, в чьих семьях дар проявился впервые, невелик.

– С мелкими дворянами дела обстоят почти так же, разве что их мнение стараются учитывать. Другое дело, потомуки сильных кланов и родов – они тоже обязаны проходить обучение. Те, хоть и учатся целый год в общем потоке, уже твердо знают, по какой стезе будут развиваться в будущем. Эссены, кстати, тоже.

– Демонология? – уточнил Ян.

– Я имел в виду, что ты можешь выбрать факультет. Как и София. Не обязательно, кстати, идти именно по пути ваших предков. Да и... – тут Коваль немного замялся, – вы уже обучены родовым конструктам, а бестиарии знаете получше здешних теоретиков. Может быть, имеет смысл открыть в себе что-то новое?

– Например?

– Не знаю. У вас целый год, чтобы это понять. Пока будете учиться – решите.

И снова Яну показалось, что за этими словами дяди скрывался совсем иной смысл. Словно бы он имел свое мнение относительно будущего выбора воспитанников, но пока предпочитал держать его при себе.

Если подумать, то их родич проделал большую работу, чтобы привезти их сюда и устроить в Гимнасий. Причем про-

делал это он уже спустя месяц с небольшим после начала занятий. Конечно, в Третьем Риме связи и деньги имели значение, но Ян даже представить не мог, сколько их потребовалось Ковалю, чтобы все провернуть с такой скоростью. Приезд в Черновицы, разговор, затем чуть меньше месяца ожидания, и в городок уже входит маршем и расселяется по квартирам центурия.

В доме их предков появляются новые слуги, которые берут на себя заботу об особняке – опять-таки за счет императорской казны, которая превращает семейное гнездо в квартиры для офицерского состава. Пять дней они пробыли во Львове, уже успели пройти тестирование и завтра готовятся идти на учебу в Гимнасий. Кем нужно быть и чего желать, чтобы устроить такое?

«А может быть, я просто параноик, как все Эссены? – подумал юноша. – Может, ничего предосудительного за поступками дяди не кроется, а есть лишь обычная для родичей забота, от которой мы в своей провинции попросту отвыкли? Жили себе в убежденности, что Эссены нужны только Эссенам, а всем остальным плевать? Ну правда, чем мы можем быть ему интересны? Или наш лен, за который, по-хорошему, приплачивать надо?»

Впрочем, ни в словах юноши, ни на его лице эти мысли отражения не нашли. Ян в очередной раз кивнул, принимая замечания родича и опекуна, закончил возиться с бумагами и после ужина отправился спать. А утром следующего

дня, сразу после завтрака, дядин экипаж отвез их с Софией в Гимнасий. Сам Коваль, вчера желавший сопроводить их на первый день учебы, не появился даже за столом, передав через горничную, что какие-то дела требуют его обязательного присутствия.

Находилось учебное заведение за границами города, у Винниковского леса. Что было удобно для Яна с Софией, поскольку и сами они жили на окраине. Так что ехать пришлось недолго, каких-то пятнадцать минут до высокой ограды учебного заведения и еще минут пять-семь по самой его территории. Оказалось, что училище для одаренных занимало большую площадь, не менее пятидесяти гектаров, а то и больше.

Раскинулся Гимнасий привольно. Ян с любопытством наблюдал, как мимо проплывают учебные корпуса, хозяйственные постройки, жилые особняки преподавателей и общежития для тех слушателей, которые, в отличие от него, не имели жилья в городе. Пару раз на глаза попадались стадионы, где под руководством инструкторов занимались учащиеся.

Несколько построек он так и не смог идентифицировать. Например, настоящий замок, построенный, пожалуй, веке в пятнадцатом – по крайней мере, тогда еще для защиты использовались рвы, насыпные валы и массивные бастионные укрепления. Что делает это сооружение в глубине территории императорского Гимнасия, он понял, лишь когда кучер остановил коляску перед сотни лет назад опущенным под-

весным мостом и сообщил, что они приехали.

«По всей вероятности, это администрация Гимназия», – подумал Ян. И не ошибся.

У моста Эссенев встретил молодой человек лет двадцати трех. Представившись порученцем претора¹⁰ Гимназия Юлием Цховским, он пригласил их следовать за ним.

– Все только о вас и говорят, – доверительно сообщил он, ведя посетителей узкими коридорами, в которых заблудиться без провожатого было легче легкого.

– Почему? – удивился Ян.

– Шутка ли, барон! Впервые за сотню в Гимназий приехал учиться наследник Марки. Вы обычно из своих краев не выбираетесь.

Это было чистой правдой, и Ян вдруг понял, что с этой точки зрения на вопрос не смотрел. Получалось, что все в курсе приезда новых слушателей, а значит, повышенное внимание к ним обеспеченно. Что совсем не радовало несколько нелюдимого юношу.

А вот Софию это известие, кажется, воодушевило – девочки смотрят на мир иначе.

– И что же говорят? – уточнил Ян, больше для поддержания беседы, чем по-настоящему интересуясь.

– Много всякого! – усмехнулся Юлий. – По большей части всякую чушь. Никто же не дает себе труда хоть сколько-нибудь поинтересоваться особенностями службы Стра-

¹⁰ Претор – происходит от латинского «предводительствовать». Здесь – ректор.

жей. Большинство думает, что в своих Марках вы живете в одном доме с медведями, ха-ха.

– С волками, – поправила порученца София.

Три года назад она выходила волчонка, помет которого погиб вместе с матерью. С тех пор зверь вырос и довольно свободно перемещался по поместью и его окрестностям, не желая уходить в лес. Пока Серый – такое прозвище девочка дала питомцу – был еще маленьким, он частенько ночевал в доме. Обычно в ее постели.

– София шутит, – прокомментировал слова сестры Ян, за спиной провожатого сделав страшное лицо. – Какие волки в Черновицах?

– Вот и я говорю, – довольно подытожил Юлий. – А мы, кстати, уже прибыли. Посидите пока в приемной, я доложу о вас претору.

Кабинет второго после Господа человека в Львовском Гимнасии располагался на третьем, предпоследнем, этаже замка и представлял собой небольшую комнату, видимо, бывшую когда-то одной из спален. Имелось у нее и небольшое преддверие, которое приемной могло называться лишь из уважения к занимаемой хозяином кабинета должности. Ян бы определил его как предбанник. Однако здесь находился стол – рабочее место Юлия, надо полагать, – два массивных шкафа с книгами учета и пара стульев для посетителей. Освещалось все это лишь тускло горящим модумным светильником под потолком, конструктор которого не обновляли

уже очень давно. Окон же в крохотной каморке не имелось вовсе.

– Скромно живет претор, – шепнула София, когда их провожатый скрылся за массивной дверью.

– Ты неправа, – возразил Ян. – В здешних краях обитать в средневековом замке для статуса полезнее, чем иметь большой и светлый кабинет в новеньком корпусе. Связь с истоками и тому подобная ерунда.

– Холодно тут, – сестра поежилась.

И правда, серые камни кладки, казалось, высасывали тепло из человеческих тел. И это несмотря на то, что на улице светило солнце. Пусть и не такое жаркое, как в июле, но вполне теплое, августовское.

– Угу. Поэтому наши предки и забросили ту башню, отстроив нормальное поместье.

Дверь открылось, в проеме показался Юлий, церемонно пригласивший их войти. Когда они проходили мимо него, он шепнул, чтобы слышали только они:

– Претора зовут Генрих Анджеевич Майер. Обращаться к нему следует «ваше превосходительство».

«Из пруссаков, – про себя отметил Ян. – Это может быть полезно».

– Ваше превосходительство, Йоханн и София Эссены, – представил их порученец претора, по понятным причинам опуская дворянскую приставку «фон».

Яна на самом деле звали Йоханном, именно это имя он

получил при крещении. Но мать, в отличие от отца, происходившая из славянской семьи, всегда называла сына на свой лад. Вслед за ней так его стали именовать и все остальные, в итоге имя Йоханн остался только в документах.

– Прошу-прошу, – добродушно прогудел из кресла средних лет мужчина, сидящий у камина с оловянным бокалом в руках.

На вид Генриху Анджеевичу было лет сорок пять. Сидя на коснулась лишь висков претора, оставив пышную черную шевелюру нетронутой, но придав ему благообразности. Широкое лицо было все же больше славянским, нежели прусским, то есть простоватым, с крупными, скругленными чертами. Карие глаза выдавали недюжинный ум, а тяжелый подбородок – волю.

– Йоханн Францевич, София Францевна, присаживайтесь, пожалуйста, – в традиционной манере обратился к ним претор. – В наших казематах невероятно холодно даже летом, так что лучше бы нам беседовать у огня. Юлий, налей нашим новым ученикам того же отвара, что и мне, не сочти за труд. Я же вижу, что они продрогли.

Порученец, в чьи обязанности входило и это, быстро вручил гостям такие же оловянные кружки с горячим и довольно непривычно пахнувшим отваром, после чего ретировался. Хозяин кабинета некоторое время молчал, рассматривая их, после чего заговорил.

– Вы не подумайте, молодые люди, что я провожу бесе-

дование со всеми учащимися Гимназия. Тут дело в том, что вы в некотором роде диковинка.

– Нас уже успели об этом оповестить, ваше превосходительство, – вставил Ян.

– Обращайтесь ко мне по имени отчеству, молодой человек. У нас с вами беседа неформальная, – поправил юношу претор. – Что ж, хорошо, что вы уже в курсе поднявшегося тут ажиотажа. Собственно, о нем, точнее, о вашем поведении применительно к нему, я бы и хотел поговорить.

Ян и София кивнули, почтительно ожидая продолжения.

– Так вот. Хотел донести до вас, что в нашем заведении проходят обучение люди разных сословий. И ни к кому не применяется каких-то особых норм. Устав Гимназия един для всех, неважно, дворянин ли он или простолюдин. Скорее даже с аристократов и спрос больше, понимаете?

– Конечно, Генрих Анджеевич, – за двоих ответил старший из Эсенов.

– Разумеется, я не могу запретить здешним умникам тихонько зубоскалить в ваш адрес. Точнее, запретить-то могу, но какой с того прок? Неизбежно найдется озорник, который посчитает смешной шутку про медвежий угол и родство имперских баронов с лесным зверьем.

– Мы понимаем.

– В самом деле? И как намерены реагировать на подобное? Сразу хочу сказать, молодые люди, Гимназий – училище хоть и гражданское, но дисциплина у нас поддерживается

почти военная. Дуэли вне тренировочных комплексов и без присутствия преподавательского состава у нас запрещены, да и там бои ведутся не до смерти. Драк же я терпеть не намерен.

– Слова как птицы, ваше превосходительство, – произнес Ян. – Пусть летают, лишь бы гнезда не вили.

– Ха, хорошо сказано, юноша! То есть вы заверяете, что неприятностей от вас ждать не стоит?

Брат с сестрой переглянулись.

«Похоже, претор тоже считает нас дикарями с родственниками из лесного зверья!» – прочитал Ян в глазах Софии.

– Генрих Анджеевич, – произнес молодой человек. – С моей стороны было бы крайне опрометчиво давать слово дворянина, не зная правил поведения в здешнем обществе. Для начала я хотел бы изучить Устав заведения. Но сейчас могу сказать, что мой ответ, как и ответ моей сестры, на любое оскорбление будет соразмерным. Безусловно, ни она, ни я не намерены бросаться с кулаками на каждого глупого шутника, но и невозбранно топтать честь семьи позволять не намерены. Вас удовлетворит такой мой ответ?

Претор искренне улыбнулся.

– Похоже, слухи о вас ввали, Йоханн Францевич. Я вижу перед собой прекрасно воспитанного юношу, разумного в суждениях, чего, к сожалению, не могу сказать о большинстве слушателей Гимназия. Поэтому, пожалуй, устроит. В таком случае более вас не задерживаю. Юлий проводит вас

к учебным корпусам.

На том претор словно бы потерял интерес к гостям, косвенно подтверждая, что он действительно не проводит собеседований с каждым из своих воспитанников, а с ними встречался лишь затем, чтобы удостовериться в лживости слухов и их адекватности. Для Яна это было немного обидно, как если бы его заранее осудили за преступление, которое он еще даже не замыслил. Но, подумав немного, он решил, что претор был здесь в своем праве. Сложно ждать, что начальник учебного заведения, ответственный за жизни нескольких сотен одаренных подростков, не будет дуть на воду.

Юлий проводил Яну до корпуса, в котором обучалась третья возрастная группа. Там, получив заверения в том, что деканат он способен разыскать сам, порученец оставил его одного. Ему еще предстояло отвести Софию к корпусу второй группы. Юный же Эссен облегченно вздохнул – болтливый сопровождающий уже изрядно его утомил.

Корпус третьей группы (на самом деле несколько зданий, соединенных между собой переходами) представлял собой вполне современные строения от трех до шести этажей. Располагался этот ансамбль метрах в двухстах от замка администрации. Архитектура была классической имперской: помпезность, роскошь, величественность и монументальность. Барельефы на фасадах рассказывали о наиболее громких победах русского оружия, а также напоминали о том, что именно московский князь три с небольшим столетия назад встал

на защиту человечества от Врага рода людского. Ликов Святого Иоанна Грозного юноша насчитал здесь аж шесть штук.

Размещались здесь все четыре курса третьей возрастной группы, что, однако, не значило их постоянного здесь пребывания. На самом деле, как понял Ян из рассказов того же Юлия, постоянно здесь находились лишь первые и вторые курсы. Третий большую часть времени проводил на нескольких полигонах и в аудиториях появлялся лишь для сдачи экзаменов и зачетов, четвертый же находился на свободном посещении, а точнее, на профильной практике за пределами Гимнасия. Прибывали выпускники лишь на финальную аттестацию.

У центрального прохода, обозначенного двумя самыми массивными колоннами, на вершине которых как раз и находились два из шести ликов Святого Иоанна, былолюдно. Ян не знал, в обычае здесь подобное, или он попал на перемену между учебными занятиями. На новичка внимания никто не обращал, учащиеся юноши и девушки стояли небольшими группками, каждая из которых наметанному глазу охотника выдавала свою сословную принадлежность.

Как и положено, простолюдины держались с простолюдинами, дворяне служилые и жалованные со своими, а аристократы поблагороднее – достойного себя круга. Различалась меж собой молодежь качеством одежды – единого стандарта формы не имелось, Устав лишь рекомендовал определенный крой и цвет. А еще – выражением лиц.

Если простолюдины смотрели вокруг настороженно, то высшее сословие натурально обозревало владения. Не нужно было иметь опыт вращения в львовских благородных домах, чтобы понять, кто тут верховодит. Будь Ян подоверчивее, он бы сейчас возмутился словам претора о том, что отношение тут ко всем слушателям одинаковое. Но он таким не был, поэтому и воспринял расслоение учащихся как норму. Осталось лишь выяснить, какая ниша тут отведена имперским баронам. Которые здесь никогда не учились.

Он уже хотел было пройти спокойным шагом между групп слушателей и внутри поискать того, кто подсказал бы ему расположение деканата, однако тут его внимание привлекло некое действие. Разворачивалось оно вдали от любопытных глаз, за углом основного корпуса, но все же не настолько скрытно, чтобы опытный охотник его проигнорировал.

Четверо. Трое молодых людей лет восемнадцати и девушка младше их года на два, а то и на три. Расфуфыренная, как сказала бы София, будь она здесь. Дорогая одежда словно выставлялась напоказ, чтобы для каждого смотрящего была ясна ее стоимость. Правда, шляпка из последней парижской коллекции, про которую сестра уже прожужжала все уши, сбилась набок, да и выражение лица не тянуло на уверенную в себе светскую львицу.

Подобное Ян видел и в Черновицах, правда, там персонажами выступали местные бездельники, а не молодые дворяне. И понимал, чем все закончится – скорее всего, модница

вскоре испуганно закивает и пойдет вслед за хозяевами жизни туда, куда ее поведут.

Но пока она еще держалась. Дергала подбородком, надувала губы, что-то гневно говорила – что именно Ян не слышал. Он было решил пройти и забыть – чужой монастырь, чужой устав, но тут один из дворянчиков залепил девице пощечину. А потом стал тыкать ей в лицо пальцем, что-то презрительно выговаривая.

«Проклятье!» – подумал Ян тогда, одновременно с этим меняя курс.

Эссены были охотниками на демонов. Но еще они были сеньорами на своих землях. Что означало необходимость вершить мирской суд над подданными. Занимался этим обычно его отец, но на нескольких таких «процессах» присутствовал и Ян. Из них он вынес несколько уроков. Один из которых заключался в том, что безнаказанность порождает еще большее зло.

Нельзя позволять лупцевать по щекам сокурсницу, словно дешевую девку. Сегодня он пройдет мимо этого инцидента, завтра проглотит избиение несколькими одного, а потом и вовсе сам превратится в подобного. Необязательно, конечно, может быть, просто в труса, но чем это лучше?

Да и поднимать руку на женщину было последним делом – так всегда говорил отец. Творит зло – убей. Но измывать-ся-то зачем?

К тому же... Вмешательство будет ему на руку. Если все

правильно обставить.

– Господа, – заговорил он, приблизившись к компании шагов на пять.

Трое парней сразу же повернулись в его сторону. Двое – недоуменно-испуганно, так, словно их поймали на чем-то постыдном, что, по мнению Яна, было недалеко от истины. Третий же глянул нагло и раздраженно – этот явно был вожаком маленькой стаи и вины за собой не ощущал. Белобрысый до полной блеклости – свей¹¹, что ли? Но телом крепок, на полголовы выше Эссена.

– Вали, – коротко выплюнул свей.

Он собрался уже вернуться к прерванному увлекательно-му занятию, но Ян не остановился и прошел еще три шага. Глянул с вопросом на девицу, которая вблизи оказалась весьма симпатичной:

– Помочь?

Та сперва обмерла, не веря спасению, затем часто-часто закивала.

– Я заберу девушку. Она со мной пойдет, – уведомил молодой человек собрание, сделав последние два шага и протягивая руку моднице. Та, ни на миг не сомневаясь, вложила свою ладошку в его.

– Чего?

Свей, видимо, никак не мог уразуметь происходящего. Какой-то незнакомый хлыщ влезает не в свое дело, ведет се-

¹¹ Свей – швед.

бя так, будто на все тут имеет право, и собирается увести эту лярву! Да он его сейчас!

Глава 5. Деканат

Пекка Канерва из рода Каменного Вереска не мог найти слов. Он и так-то не был особенно разговорчив, финны славились иными талантами, но при необходимости мог связать длинную фразу на русском. Даже не матерную. Но не сейчас. Не когда наглец, вторгшийся в его дела, за руку тащил прочь девуку, которую Пекка уже считал своей добычей.

А ведь дерзкая vittu¹² уже сломалась. Минут десять корчила из себя монашку, которая дает только высокородным пищикам, но под конец поплыла и была готова раздвинуть ножки хоть прямо за этим углом. Именно тогда и появился этот хлыщ – раньше в Гимнасии Пекка его не видел.

Он утащил vittu уже на несколько шагов, когда обычно хладнокровный финн взбесился окончательно и бросился на наглеца с кулаками. С потомками тех, кто много сотен лет назад ходил в викингх, такое случалось. Вот знал вроде, что драки на территории Гимнасия запрещены. Понимал, что карают за это нещадно, вплоть до отчисления. Но старые боги уже опустили на глаза кровавую пелену – и все. Выносите святых.

Первый удар должен был повалить соперника вперед, но кулак Пекка прошел намного дальше, чем собирался,

¹² Vittu – грязное ругательство на финском.

а сопротивления плоти так и не встретил. Проклятый хлыщ неуловимо дернул головой, пропуская его мимо. А после как ни в чем не бывало продолжил уходить.

Даже не оборачиваясь!

С ревом бешеного зверя финн попытался схватить его за плечо и развернуть, чтобы потом пересчитать зубы на наглой роже! Рука опять схватила пустоту, а противник с девчонкой вдруг оказался левее, чем был секундой раньше.

– В третий раз сломаю руку, – донеслись слова хлыща до уже плохо что понимающего драчуна.

Игнорируя это предупреждение, он вновь попытался схватить врага, на этот раз действуя уже двумя руками. И вдруг осознал, что не может двинуть ни одной.

– Предупреждал же.

Лицо противника оказалось повернуто к нему. И на нем застыло выражение... нет, не ярости – холодной брезгливости. Прежде чем Пекка успел подумать, что с людьми, которые умеют так смотреть – как на жалкое насекомое! – лучше бы не связываться, в правой руке раздался какой-то треск. А потом кровавая пелена оказалась смыта взрывом боли.

Это было настолько неожиданно, что Пекка даже забыл, как дышать. Затем, когда эта способность вернулась, он выдал такой вопль, какой из его глотки не выходил, пожалуй, с момента рождения.

С белыми от боли глазами финн смотрел, как висит сломанной веткой его правая рука, а хлыщ, учинивший расправу, спокойно разворачивается и уходит.

И никто не спешит его останавливать!

— Он сломал мне руку! — упав на колени, завопил парень, совсем недавно ощущавший себя альфа-самцом. — Он руку мне сломал!

Страшный незнакомец так больше и не обернулся.

** * **

— Эй!

Сквозь вой Свея Ян расслышал другой голос. Сделал еще три шага, размышляя, стоит ли оборачиваться, или пусть их? Нападать точно никто не собирался, он бы услышал. Да и хватило поделщикам расправы над их лидером.

— Что? — он все же решил отозваться, но не оборачиваться.

— Ты знаешь, на кого осмелился руку поднять?

В голосе говорящего поразительным образом мешались страх, неверие, ненависть и восхищение. Сложный коктейль.

— Нет. Свей какой-то...

— Это Пекка Канерва!

— А. Финн. Ясно. Перепутал. Мои извинения.

В самом деле поди их различи, финнов и свеев. На одно лицо все!

— Ты совсем, что ли?

Теперь вопрос содержал только неверие и восхищение. Страх и ненависть куда-то ушли. Странно.

– Потом поговорим, – отмахнулся Ян. – Вы бы друга своего к лекарю отвели, что ли. У него перелом лучевой кости с небольшим смещением.

И, переключив внимание на девушку, совершенно сомлевшую, которую тащил, будто паровой катер-баржу, спросил.

– Ты не подскажешь, где мне найти кабинет декана? Я здесь новенький. Меня, кстати, Ян зовут.

– Лиза, – заплаканные глазки уронили последние слезинки. Губки чуть разошлись в робкой улыбке, демонстрируя ровные белые зубки.

– Очень приятно. Так ты подскажешь?

Ресницы взлетели и опали еще несколько раз. Кажется, девушка не понимала происходящего. Какой-то незнакомец с легкостью вырвал ее из плена, после чего спросил – как пройти к декану? Это плохо укладывалось в очаровательной головке юной барышни.

– Д-да... Да, конечно, господин Ян! Я провожу!

– Просто Ян, – поправил Эссен девушку. – Благодарю. Тогда води меня, Лиза.

На глазах у всей собравшейся при входе публики парень, только что жестоко расправившийся со своим противником, со старомодным изяществом предложил даме руку и скрылся в здании. Тишина, прерываемая лишь скулежом пострада-

давшего финна, тут же взорвалась гулом горячих обсуждений.

Но Ян Эссен их не слышал. Он шагал за своей проводницей, бросая по сторонам любопытные взгляды. С привычкой, давно сделавшейся натурой, молодой человек запомнил все увиденное, составляя в голове карту нового места. Всегда ведь полезно знать, как быстро уйти оттуда, куда только что вошел.

Внутри царил тот же стиль, что и снаружи. Белокаменные лестницы, широкие окна, натертые мастикой полы, покрытые барельефами стены. Ян попробовал представить, что он живет в таком доме, но не смог. Слишком уж величественным тот был, постоянно приходилось одергивать себя, чтобы не впасть в самоуничтожение. Не самая простая задача, когда со всех сторон на тебя давит воплощенное в камне и стекле величие.

На втором этаже, миновав несколько дверей, Лиза остановилась.

– Вот кабинет декана.

– Благодарю. – Ян кивнул.

Прежде чем он успел взяться за руку, девушка быстро шагнула к нему и клюнула в щеку губами.

– Спасибо! – жаркое дыхание опалило ухо. – Даже не знаю, что бы со мной было, если бы ты не вмешался!

От тихони, миг назад стоявшей рядом с Яном, не осталось ни следа. Глаза девушки манили сладкими обещания-

ми, а голос вдруг сделался чуть-чуть хрипловатым.

– Ну что ты, Лиза, – игнорируя поведение спутницы, ответил юноша. – Так поступил бы каждый.

«Из тех, кого во дворе было два десятка!» – закончил он мысленно.

– Что ж. Сейчас мне пора.

– Как закончишь, найди меня, – многообещающе улыбнулась модница. – Лиза Казанцева, второй курс.

Ян кивнул и вошел в приемную декана. Она была раза в два просторнее того предбанника, в котором ютился порученец претора, да и обставлена побогаче. Перед дверью, ведущей непосредственно в кабинет декана, за столом сидел, казалось, двойник Юлия Цховского – молодой мужчина в строгом костюме и с важным выражением на лице.

– Вы к кому? – спросил он степенно.

Эссен демонстративно огляделся по сторонам, а потом перевел взгляд на референта, как бы говоря – а к кому тут можно еще попасть, кроме декана? Дверь-то одна. Но на того пантомима не произвела никакого впечатления. Он нахмурился.

– Ян Эссен, новый слушатель, – подавив вздох, сказал барон.

– По какому делу? – тут же выстрелил новым вопросом референт.

– Представление, получение учебной карточки, плана занятий и что там еще требуется от новичка.

– Это вам в секретариат общего отдела, молодой человек, – порученец резко утратил и тот небольшой интерес, который проявлял к визитеру. – Этажом выше, расположение кабинета такое же.

И отвернувшись, демонстрируя, что он очень занят, а посетителю, вообще-то, пора уходить. Но Ян-то помнил, как дядя ему сказал, что он должен непременно зайти к декану. Правда, не предупреждал, что на пути окажется такой вот цербер от чиновничьего племени.

Он еще раздумывал, что бы ему такого сказать или сделать, когда дверь в приемную резко распахнулась, впуслав взъерошенного парня. Одного из тех двоих, которые со све-ем, то есть финном, зажимали за углом модницу.

– Владимир Попеску! – тут же повернулся в его сторону разгневанный референт. – Что вы себе позволяете? По какому праву вы столь бесцеремонно врываетесь в кабинет декана?

Ян мог бы поправить его, напомнив, что означенный Попеску ворвался вовсе не в кабинет декана, а лишь в его приемную, но не стал. Ему было интересно понаблюдать за тем, что будет дальше.

– Камиль, там!... – на вдохе начал было вторгшийся, но порученец декана перебил его.

– Камиль Теодорович!

– Да парастусу мати¹³, Камиль! Там Пекке руку сломали!

¹³ Парастусу мати – твою же мать (румын.)

– Что? – тут же подскочил референт. – Кто? Когда?

– Да какой-то новенький, я его не знаю! Только что! Мы Пекку уж отволокли к медику, а тот делся куда-то! Внутри вошел и...

Ян стоял слева от входной двери, которая наполовину прикрывала его, поэтому ворвавшийся в приемную Попеску сразу не обратил на него внимания. Зато сумел сделать это сейчас, после чего замолк на полуслове.

Камиль, который, по мнению Яна, на Теодоровича явно не тянул, проследил направление взгляда жалобщика и сразу все понял. Открыл было рот, но тут распахнулась дверь, ведущая в кабинет декана, и в проеме возник пожилой, но все еще крепкий мужчина.

Походил он на ветерана в отставке, который, хоть и сменил мундир на темно-синий гражданский костюм, отрастив изрядное брюшко, все еще выглядел опасным и готовым к любой неприятности.

– Что. Здесь. Происходит? – произнес он, чеканя каждое слово.

Голоса он не повышал, но у Яна возникло ощущение, что им был применен какой-то звукогасящий конструкт. Во всяком случае, и референт, и жалобщик моментально притихли, лишь последний негромко вымолвил:

– Драка во дворе, ваше превосходительство. Зачинщик... вот он стоит.

Тяжелый взгляд декана переместился на Яна. Тот сразу же

подтянулся, дернул головой, обозначая кивок, и представился:

– Йохан Эссен, ваше превосходительство. Новый слушатель Гимназия. Прибыл для знакомства, получения карточки учащегося и расписания. К занятиям приступаю завтра.

Он нарочно выбрал манеру доклада, принятую у военных, хотя учебное заведение, по словам того же претора, было гражданским. И не прогадал. Декан, секунд десять посверлив его взглядом, спросил уже нормальным, а не выбивающим каждое слово в камне голосом:

– Почему устраиваешь драки на моей земле?

«На земле, надо же! – подумал юноша. – Не декан, а феодал какой-то прямо!»

Вслух же ответил в прежней манере.

– Никак нет, ваше превосходительство. Не устраиваю. Имел место несчастный случай. Один из слушателей был неосторожен, в результате чего сломал руку.

Во взгляде декана заплясали огоньки. Ян бы не взялся судить – веселые или гневные. Но едва дернувшиеся губы как бы намекнули, что начальство сейчас едва сдержало улыбку.

– Когда я служил в Третьем Киевском Рейтарском, – медленно произнес он. – Рядом с нами квартировал ополченческий легион из-под Галицина. Долго стоял, а от безделья у солдатиков часто глупости в голову забредали. Так вот, в расположении легиона, возле столовой, была лестница.

Очень примечательная, знаешь ли, лестница. Сколько вольноопределяющихся и новобранцев там руки-ноги поломали – не счесть. Пришлось ее даже снести.

Дядя Яна, Михаэль, недолгое время служивший в имперской армии, тоже рассказывал о таких случаях. Со смехом. Декан, однако, не смеялся.

– Мне тоже стоит обратить внимание на поиски подобного объекта на территории? – спросил он.

– Никакого объекта не было, ваше превосходительство! – как прежде браво доложил Ян. – Имело место неосторожность при попытке похлопывания по плечу.

– И кто кого хлопал, юноша?

– Да он сломал Пекке руку! – влез вдруг прихвостень финна. – Я сам видел!

Декан не удостоил его даже взгляда. Но повернул голову в сторону референта и приказал ему:

– Свидетелей и пострадавшего ко мне в кабинет. Господина Эссена тоже.

После чего развернулся и скрылся за дверью.

Ян немного потоптался, после чего последовал за ним. Камиль отправлит Владимира Попеску за пострадавшим, и дверь закрылась.

Внутри кабинет декана был обставлен скромно, но уютно – шкафы с книгами, глобус на подставке, пара кресел возле кофейного столика и стол для совещаний, во главе которого хозяин и уселся. Слушатель устроился на приставном

стуле с другого конца стола.

– Каждый случай драки рассматривается лично претором, – сообщил декан в пространство. – Вы, господин Эссен, действительно собираетесь держаться версии о несчастном случае?

– Так точно, ваше превосходительство!

– Не кричите, не на плацу, – сморщился собеседник Яна. – Суть дела мне уже ясна, но есть интерес – на что вы вообще рассчитываете, держась своей версии?

– На правду и справедливость, ваше превосходительство.

– Знаете, господин Эссен. Я уважаю молодых и в меру наглых молодых людей. Из них выходят отличные боевые маги и офицеры. Но в вашем случае, пожалуй, видится переход той грани, которую я обозначил словом «в меру».

Ян промолчал, лишь продолжал, как говорил дядька Михаэль, «есть глазами начальство».

– Что ж. Хорошо. Дождемся вашего оппонента, – подвел итог декан, видя, что разговорить слушателя не удастся.

Ждать пришлось недолго. Уже через пять минут в дверь постучали, и референт впустил внутрь трех молодых людей: того самого Пекку, с рукой уже в лубке, и двух его товарищей – Владимира Попеску и второго, имени которого Ян не знал.

– Пострадавший и свидетели, ваше превосходительство! – сообщил порученец и встал у дверей, изображая из себя почетный караул. Только штуцера с примкнутым штыком

не хватало. Как ему только удавалось это делать в гражданском-то платье?

– Что ж, – молвил декан. – Поведайте нам, слушатель второго курса Канерва, что с вами приключилось?

«Второго, – удивленно подумал Ян. – С виду не простолюдин, а дар проснулся так поздно? Или отправлен сюда уже после домашнего обучения?»

Пекка Канерва зло зыркнул в сторону своего обидчика, перевел взгляд на декана и произнес заторможенным, будто бы чужим голосом:

– Несчастный случай, ваше превосходительство. Моя вина. Слишком резко бросился приветствовать нового соученика и был при этом достаточно неловок, чтобы оступиться.

– Вот как? – сделал вид, что удивился, хозяин кабинета. – На втором году обучения слушатель факультета силового сопровождения ломает руку по собственной неловкости? Что ж, это случается. Думаю, мне стоит поговорить с куратором вашего факультета, господином Томá, о том, чтобы он подтянул вас в данном вопросе.

При упоминании господина Томá Пекке явственно побледнел, хотя и до того был не особенно румян. Но сумел вымолвить.

– Вероятно, ваше превосходительство...

– Хорошо, так и сделаю. А вы двое? Попеску и Кодряне, вам есть что добавить?

Подручные финна синхронно замотали головами.

– Ясно. В таком случае можете быть свободны. Кроме господина... прошу прощения, слушателя Эссена.

Ян с деканом снова остались в кабинете одни – референт вышел вслед за хулиганами.

– Интересный вы человек, слушатель Эссен, – задумчиво проговорил декан, изучая бумаги юноши, лежащие перед ним на столе. – В первый же день умудрились затеять драку... Молчите, я уже слышал ваши оправдания! М-да, затеяли драку и как-то сумели выйти сухим из воды. Это... примечательно. Не могу сказать, что я в восторге от вашей выходки, но благодарю, что обставили все так, что мне не придется докладывать претору о нарушении дисциплины в третьем потоке.

Он захлопнул тонкую папку, навис над столом, пристально глядя на Яна.

– Но не думайте, что я позволю совершить вам подобное еще хоть раз! – рявкнул он столь внезапно, что юноша против воли отшатнулся. – С этого дня вы для меня как таракан под стеклянным стаканом! Я буду следить за каждым вашим шагом и каждым вашим словом. И если окажется, что вы относитесь к той породе молодых людей, которые не понимают значения слова «в меру», то вылетите из Гимнаasia быстрее, чем ваш почтенный дед пускает ветры.

– Так точно, ваше превосходительство! – тут же гаркнул Ян, когда ему была оставлена пауза в речи декана. Ровнехонько на эту самую фразу.

– Свободны! Все необходимые вам документы получите в секретариате. Камиль вам покажет.

– Слушаюсь!

Кабинет декана Ян покинул разве что не строевым шагом. Понимал, что несколько переигрывает с образом прусака-солдафона, знающего лишь слова «так точно», «никак нет» и «не могу знать», но подделать с собой ничего не мог. Очень уже его насмешил этот показательный разнос, устроенный начальством. Тем более что оно, начальство это, с самого начала было на его стороне.

Все прошло так, как он и задумывал. Как учили отец и дядя. Как должен поступать любой охотник, оказавшийся в незнакомом социуме. Можно было потратить пару недель на осторожное выяснение, кто есть кто в Гимназии, но Эссены всегда предпочитали разведку боем. Не идиотское «ввяжемся в бой, а там посмотрим», а дерзкое, но просчитываемое поведение. Ян, может, и не очень хорошо ориентировался в высшем свете Львова (да и в любом другом тоже), но замечательно знал повадки зверей. Как показала практика, люди от оных отличались не слишком сильно.

Лиза Казанцева была содержанкой кого-то богатого и знатного, это Ян определил сразу. Слишком дорого, вызывающе дорого, одета для небогатой мещанки. Дворянка не позволила бы себя ударить, а у мещанки не может быть столько денег на тряпки.

Ее конфликт с троицей хулиганов тоже был очевиден. Де-

вушка явно попала в опалу у своего покровителя, а его прихлебатели решили подобрать объедки с господского стола. Ей бы пришлось согласиться с тем, что они предложили (понятно что), но тут вмешался риттер в сверкающей кирасе.

Троица в потоке явно что-то из себя представляла – никто в конфликт влезать не поспешил. Но при этом на вершине пищевой цепи они не стояли – глава прайда не подбирает объедки. Идеальные кандидаты для того, чтобы показать себя местному обществу, пропустив долгую фазу прошупываний и испытаний. И еще и закрыть множество конфликтов в будущем, которые неизбежно случились бы. А так – не случатся. Большинство горячих голов десять раз подумает, прежде чем лезть на учинившего столь жестокую расправу.

Дальше еще проще. Местный вожак не мог пропустить мимо ушей произошедшее. И у него было две модели дальнейших действий: либо показательно наказывать наглеца, искалечившего его человека, либо подгрести новичка под себя. Первый путь был грубым, и Ян сомневался, что неформальный лидер третьего потока настолько глуп, что выбрать его. Править здесь, где учатся выходцы из разных сословий, да еще и немного владеющие магией, мог только умный человек.

И охотник не ошибся. Вожак приказал своей шавке взять вину на себя – мол, несчастный случай. Этим он одновременно убил двух зайцев: создал конкуренцию между своим

настоящим ближником и новым возможным и выказал новичку свое расположение.

Следующим его ходом должна была стать личная встреча и предложение дружбы. Она состоялась, стоило Яну выйти с кипой бумаг из секретариата.

– Это он! – тут же указал на Эссена пальцем финн.

Стоял пострадавший за спиной очень примечательного молодого человека, ровесника Яна. Роста он был среднего, телосложения хрупкого, черты лица имел изящные, словно тонкой кистью на белом холсте прорисованные. Золотые волосы, уложенные в хало, отлично сочетались с едва заметной, но, несомненно, дружелюбной улыбкой.

При этом каким-то образом было понятно, что образ этот – лишь обманка. Ловушка для глупца. От женоподобного парня ощутило тянуло силой.

– Йоханн Эссен, – произнес он манерно. – Новая легенда третьего потока. Я бы хотел стать вашим другом.

Для Яна было очевидным, что данный экземпляр принадлежит к древнему и славному аристократическому роду. А значит, в его понятии возможен лишь один вид дружбы: он наверху, а остальным благосклонно дозволено прислуживать.

* * *

Глава 6. Скверна

Когда дворянчик представился, Ян про себя чертыхнулся. Его собеседником оказался княжич Адам Олелькович, младший сын нынешнего главы рода тех самых Олельковичей, которые в числе первых дворянских фамилий Великого Княжества Литовского присоединились в Очистительному Походу Иоанна Грозного. Род у школьного лидера оказался из древних. И это было плохо. Впрочем, пасовать марочный барон не собирался ни при каких обстоятельствах.

– Друзьями становятся. Или не становятся, – ответил Ян на это по-детски наивное предложение дружить. – Время покажет, как у нас с вами сложится, княжич. Все в руке Божьей.

Идти под кого-то ради спокойной жизни Ян не собирался. Болото взбаламутил, головы гадов показались, и хватит с него пока. Создавать альянсы или, напротив, ссориться с кем-то он не планировал. Ему нужно было лишь показать себя и обозначить границы дозволенного. Эта задача уже была выполнена в тот момент, когда красавчик-ангелочек лично заявился на встречу.

Как пойдет дальше, Эссен не знал. Зависело от того, насколько сильна репутация Адама. Если он не переживает за потерю лица, то спустит новичку эту маленькую дерзость. Будет великодушно ждать, когда тот сам сделается просителем, и тогда уже выкатит список условий.

Если же Олелькович опасается даже малейшей угрозы своей репутации, он попробует надавать прямой сейчас. Будет угрожать, пугать и тому подобные глупости вытворять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.